



аля 20  
пикафъ 85  
юлка 8  
№ 16

Проф.-Прот. Н. Стеллецкій.

☐ ДУЭЛЬ, ☐

ЕЯ ИСТОРИЯ И КРИТИЧЕСКАЯ ОЦѢНКА  
СЪ НАУЧНО-БОГОСЛОВСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.



ХАРЬКОВЪ.  
Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья улица, № 14-я.  
1911.

Проф.-Прот. Н. Стеллецкій.

# Д У Э Л Ь,

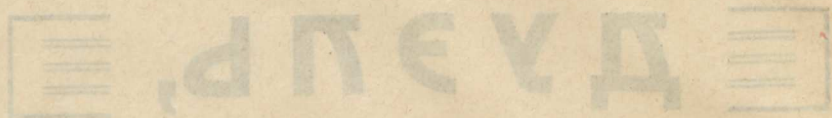
ЕЯ ИСТОРИЯ И КРИТИЧЕСКАЯ ОЦѢНКА  
СЪ НАУЧНО-БОГОСЛОВСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.



ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья улица, № 14-й.  
1911.

Издательство В. Смирнова



ИСТОРИЯ И КРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

Отдельные оттиски из ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1911 годъ.



Издательство В. Смирнова  
Москва, Мясницкая ул., дом 15  
1911



## ДУЭЛЬ,

### ея исторія и критическая оцѣнка съ научно-богословской точки зрѣнія <sup>1)</sup>.

Рѣшившись и своимъ посильнымъ словомъ послужить тѣмъ, кто жаждетъ христіанскаго просвѣщенія, я нѣкоторое время колебался въ выборѣ предмета для чтенія въ этомъ почтенномъ собраніи. Предметовъ, о которыхъ можно говорить здѣсь, весьма много, и каждый изъ нихъ достоинъ извѣстнаго вниманія. Изъ другихъ же предметовъ, которыхъ еще не коснулось просвѣщенное слово моихъ предшественниковъ по чтенію, я въ концѣ концовъ рѣшилъ остановить Ваше благосклонное вниманіе на томъ „безумномъ, безусловно антихристіанскомъ“, по выраженію Высокопреосвященнаго Митрополита Антонія, „актѣ“ <sup>2)</sup> современной жизни, который извѣстенъ подъ именемъ *поединка* или *дуэли*.

Дуэлью называется обыкновенный бой двухъ лицъ на смертоносномъ оружіи, по установленнымъ на данный случай или же вошедшимъ въ обычай правиламъ, съ цѣлью возстановленія оскорбленной чести <sup>3)</sup>. Нѣтъ нужды говорить

<sup>1)</sup> Богословское чтеніе, предложенное отъ имени Братства Озерянской Божіей Матери въ залѣ Харьковской городской думы, 30 января 1911 года.

<sup>2)</sup> Изъ рѣчи его, по поводу столѣтія со дня рожденія Пушкина.

<sup>3)</sup> Словарь Брокгауза, полут. 47. Проф. Фойницкій. „Курсъ уголовного права“, стр. 143. Н. Фомищъ. „Дуэль“. „Русскій Трудъ“ 1899 г., № 22, стр. 7. Самое названіе дуэли (французское—*duellum*=*duorum bellum*, нѣмецкое—*Zweikampf*, русское—*поединокъ*) указываетъ на то, что дуэлянтовъ должно быть *два*.

о важности и значеніи вопроса о дуэли. Этотъ вопросъ одинъ изъ такихъ, который *настоятельно* требуютъ рѣшенія. Онъ обращаетъ на себя вниманіе общества и болѣзненно отзывается въ его сознаніи и чувствѣ. Дуэли въ наше время постоянно происходятъ не только за границей, но и у насъ на Руси. Изъ западно-европейскихъ странъ въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ они практикуются въ Германіи. Особенно благотворная почва для процвѣтанія ихъ здѣсь—студенческіе круги. Нѣмецкій студентъ съ особенною гордостію указываетъ на царапины и шрамы, покрывающіе его лицо и голову, чтобы сдѣлать болѣе замѣтными, даже растравляетъ ихъ <sup>1)</sup>. Въ студенческихъ корпораціяхъ фехтованію отводится больше времени, нежели наукамъ, и первые два—три семестра „фуксъ“ проводитъ все свободное время за отточенной рапирой и бутафорской дуэлью. Не имѣя хотя бы одной дуэли, фуксъ не можетъ попасть въ „бурши“, т. е., въ дѣйствительные члены корпораціи. Любовь студентовъ къ дуэльному, если такъ можно выразиться, спорту до такой степени велика, что въ армейскихъ частяхъ обыкновенно съ неудовольствіемъ встрѣчаютъ вѣсть о переводѣ гарнизоновъ въ университетскіе города <sup>2)</sup>. Въ Европѣ дерутся на дуэли, какъ же не драться и намъ? Правда, среди нашего студенчества не замѣчается особеннаго сочувствія къ дуэлямъ; за то у насъ онѣ проникли въ самую Государственную Думу. Даже наши народные представители, „лучшіе люди“ страны не находятъ иного средства для рѣшенія вопросовъ чести, какъ смертоносное оружіе. Всѣмъ памятна надѣлавшія въ свое время очень много шума, „парламентскія дуэли“ между Марковымъ и Пергаментомъ, Гучковымъ и Уваровымъ.

Все можно объяснять, но не все можно оправдывать. Дуэль и есть именно такое явленіе, которое, какъ и вообще всякій историческій фактъ, имѣетъ свое *объясненіе*, но которое, однакожь, не имѣетъ, а по существу дѣла, и не можетъ имѣть для себя *оправданія*. Въ нашей литературѣ, какъ свѣтской, такъ и духовной, неоднократно подымался вопросъ о дуэли. Вопросъ этотъ обсуждался съ различныхъ точекъ зрѣнія и обыкновенно находилъ себѣ отрицательный отвѣтъ,

<sup>1)</sup> „Военный Сборникъ“ 1894 г., августъ.

<sup>2)</sup> М. Маховъ. „Дуэль, ея происхожденіе и соврем. характеръ“. Спб. 1902 г., стр. 37.

согласно съ которымъ дуэли должны быть безусловно запрещены, какъ противныя ученію христіанской церкви и развитію истинно-культурныхъ людей.

Но рѣшеніе это иногда находило для себя и довольно авторитетныхъ противниковъ, которые гласно въ печати выступали въ защиту дуэли, и стараніями которыхъ достигнуто, можно сказать, утверженіе нынѣ дѣйствующихъ уже „Правиль о разбирательствѣ ссоръ, встрѣчающихся въ офицерской средѣ“. Къ числу такихъ защитниковъ дуэли принадлежатъ, между прочимъ, юристъ (кажется единственный) А. Лохвицкій<sup>1)</sup>, и особенно генер. Л. А. Кирѣевъ (недавно скончавшійся), который въ своихъ статьяхъ „Новаго Времни“ (№№ 8286, 8295, 8319 и 8618) выступилъ въ защиту дуэлей между офицерами русской арміи<sup>2)</sup>.

Такое двусмысленное, можно сказать, отношеніе къ дуэли нашей печати не можетъ не вліять на неясность и спутанность понятій нашего общества о разсматриваемомъ печальномъ явленіи жизни. Не подлежитъ сомнѣнію, что для большинства изъ нашего общества—дуэль, ея исторія, ея значеніе, правила до нея относящіяся и т. п., оказываются совершенной terra incognita. Что же касается сочувственнаго отношенія къ дуэли со стороны публичныхъ защитниковъ ея, то такое сочувствіе не можетъ не вліять и на увеличеніе дуэлей. Отчего же не получить ореоль героя-храбреца, честнаго благороднаго человѣка? Отчего же не смыть нанесенную обиду кровью, кровью своею или кровью противника и не возстановить свою честь? Но такъ ли нужно смотрѣть на дуэль? Дѣйствительно ли дуэль—дѣло правое и нравственное? Правы ли защитники дуэли или ихъ оппоненты? Вотъ вопросъ, который будетъ служить предметомъ нашего разсужденія.

Но прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы позволимъ себѣ изложить исторію происхожденія дуэли.

Дуэль въ томъ смыслѣ, въ какомъ въ настоящую пору мы ее понимаемъ, есть явленіе сравнительно позднее, давность котораго не восходитъ дальше среднихъ вѣковъ, хотя

<sup>1)</sup> См. его „Курсъ русскаго уголовного права“. 1871 г., стр. 570 и дал.

<sup>2)</sup> Ср. его же „Письма о поединкахъ“. Спб. 1899 г.

и находится въ тѣсной связи съ обычаями и преданіями старины глубокой, когда всѣ почитали своимъ правомъ защищать себя собственной силой. Поэтому, говоря о современной дуэли, нельзя не коснуться ея исторіи, въ особенности той эпохи, когда повсюду распространенный теперь обычай рѣшать оружіемъ вопросы личной чести—только еще начиналъ устанавливаться. Лишь прослѣдивъ шагъ за шагомъ за его развитіемъ, можно понять, какъ должно относиться къ ней.

*Античнымъ* государствамъ дуэль, какъ средство удовлетворенія за оскорбленную честь, была совершенно неизвѣстна. Чести, по тогдашнимъ понятіямъ, могъ повредить человѣкъ только самъ, а никто другой; ее могло отнять у гражданина лишь государство. Сократъ, по словамъ Платона, вслѣдствіе частыхъ диспутовъ, не разъ подвергался оскорбленіямъ дѣйствіемъ, которымъ, однакожь, не придавалъ большого значенія. Получивъ однажды пинокъ и не отплативъ за него, онъ, на удивленіе присутствующихъ, отвѣтилъ: „что же мнѣ жаловаться также, если и осель лягнетъ меня?“ Въ другой разъ, когда, удивляясь его невозмутимости, его спросили: „развѣ не тебя ругаетъ этотъ человѣкъ?“ онъ спокойно отвѣтилъ: „нѣтъ, потому что то, что онъ говоритъ, ко мнѣ не подходитъ“... И Сенека въ томъ же духѣ выражался: „оскорбленіе не достигаетъ мудреца“. Циникъ Кратъ, получивъ однажды ударъ кулакомъ въ лицо отъ флейтиста Никодромоса, отплатилъ своему оскорбителю тѣмъ, что привѣсилъ къ мѣсту кровоподтека дощечку съ надписью: „это сдѣлалъ Никодромосъ“ (Nicodromus fecit), вызывая этимъ къ суду общественнаго мнѣнія. И аѳиняне, надо замѣтить, склонились на сторону Крата, справедливо возмущаясь поступкомъ оскорбителя. Подобнымъ образомъ Фемистокль, которому спартанскій полководецъ Эврибидъ угрожалъ палкой, крикнулъ послѣднему: „бей, но выслушай меня!“ Очевидно, онъ готовъ былъ отстаивать свои права однимъ указаніемъ на искренность и правоту своихъ убѣжденій. Въ отдаленной древности встрѣчается только такъ называемое *единоборство*, являвшееся лишь отдѣльнымъ эпизодомъ сраженія и притомъ такимъ, въ которомъ вопросы личной чести не играли роли. Оно служило средствомъ разрѣшенія международныхъ споровъ, замѣнявшимъ столкно-



веніе массъ на войнѣ. Таково, напр., было ратоборство Давида съ Голиафомъ или нашего Мстислава съ Редедей. Однимъ словомъ, въ древности была честь города, націи, за которую и стоялъ гражданинъ, даже до смерти; но его личнаго понятія о чести, въ рыцарскомъ смыслѣ слова, не было. У древнихъ римлянъ единоборство не могло служить для возстановленія чести еще и потому, что они смотрѣли на него какъ на зрѣлище, какъ на своего рода развлеченіе, составлявшее презрѣнное ремесло гладіаторовъ и стоявшее ниже достоинства свободнаго гражданина. Отказаться отъ поединка въ ту пору римской исторіи не считалось неудобнымъ, и такіе граждане, какъ Пирръ, Метеллъ, вызванный на ратоборство Серторіемъ, или Цезарь—Маркомъ Антоніемъ, безъ опасенія за свою репутацію, отвѣчаютъ своимъ противникамъ совершенно просто, что имъ „жить еще не надобно.“

Иное мы видимъ нѣсколько позже у всегда вооруженныхъ, воинственныхъ *германцевъ* и вообще сѣверныхъ народовъ. Здѣсь въ древнѣйшія времена каждый лишь постольку имѣлъ значеніе, поскольку онъ самъ, съ оружіемъ въ рукахъ, могъ отстаивать свои права и обезпечивать миръ: понятіе чести у нихъ было субъективное и въ высшей степени индивидуальное. По свидѣтельству Тацита, у германцевъ вошло въ обычай разрѣшать оружіемъ всѣ споры. Въ средніе вѣка, по воззрѣніямъ рыцарства, честь была „не что иное, какъ чисто внѣшнее уваженіе, которое въ случаѣ надобности, слѣдовало вынуждать силою <sup>1)</sup>“. Отсюда широкое примѣненіе поединка въ дѣлахъ чести.

Первоначально средневѣковый поединокъ имѣлъ характеръ самосуда, а затѣмъ съ появленіемъ судебной власти онъ приобрѣлъ значеніе наиболѣе убѣдительнаго судебного доказательства, воспринявъ сакральный характеръ „суда Божія“ (*Dei iudicium*): онъ допускался, когда исчерпывались всѣ обыкновенныя средства суда человѣческаго и нужно было апеллировать къ суду самого Божества, надѣляющаго особою силою правую сторону. Изъ различныхъ формъ суда Божія преимущественно практиковались такъ называемыя ордаліи (англійск. *ordal*—приговоръ, судъ), т. е. испы-

<sup>1)</sup> См. Teichmann. *Zweikampf* [въ Holtzendorfs „*Handbuch des Deutschen Strafrecht*“.

танія, главнымъ образомъ, посредствомъ *огня и воды*. Спорящіе вызывались сдѣлать что-нибудь такое, что по естественному порядку вещей должно быть гибельно для нихъ, но вслѣдствіе непосредственнаго участія Божества окажется безвреднымъ. Испытаніе огнемъ состояло въ держаніи руки на огнѣ, въ переходѣ черезъ зажженный костеръ въ одной рубашкѣ, которая иногда покрывалась воскомъ, въ держаніи руками раскаленнаго желѣза. Испытаніе водою производилось или *кипящей* или *холодной* водою. При испытаніи кипящей водою клали на дно сосуда съ кипяткомъ кольцо, которое обвиняемый долженъ былъ вынуть безъ вреда для себя. При испытаніи холодной водою обвиняемаго, перевязаннаго веревкой, бросали въ воду и, если онъ шелъ ко дну, то считался невиннымъ, если же оставался на поверхности воды, то признавался виновнымъ. Это послѣднее испытаніе объясняется языческими воззрѣніями на воду, какъ на чистую стихію, которая ничего нечистаго не принимаетъ.

Съ принятіемъ христіанства среди германскихъ племенъ появились новые виды суда Божія. Таково испытаніе—*крестомъ*: истецъ и отвѣтчикъ ставились у креста съ поднятыми вверхъ руками, и кто первый опускалъ руки или падалъ, отъ изнеможенія тотъ считался виновнымъ. Кромѣ этого испытанія крестомъ, примѣнялись испытанія *освященнымъ кусочкомъ хлѣба* или *сыра* (*judicium offae, panis adjurati, casibrodeum*); обвиняемый признавался виновнымъ, если кусокъ застревалъ у него въ горлѣ. Испытаніе причастіемъ (*purgatio per eucharistiam, examen corporis et sanguinis*) примѣнялось преимущественно къ обвиняемымъ духовнаго званія; предполагалось, что на виновномъ оно отзовется неблагопріятно. Весьма распространеннымъ видомъ суда Божія былъ приводъ подозрѣваемаго въ убійствѣ къ *тѣлу убитаго*: по народному повѣрью при приближеніи убійцы выступала кровь изъ ранъ убитаго. Когда на Западѣ стали возникать процессы противъ вѣдьмъ, то появились суды Божіи въ видѣ испытанія *вѣдьмъ* холодной водою; новымъ испытаніемъ явилось *взвѣшиваніе* вѣдьмъ, которое, какъ и испытаніе водою, основывалось на томъ вѣрованіи, что вѣдьмы, имѣвшія сношенія съ *дьяволомъ*, теряли свой естественный вѣсъ <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> См. А. В. Лохвицкій. „Судъ Божій порусскому праву“. „Отечеств. Записки“ 1857 г., кн 6.

Особую форму суда Божія составлялъ такъ называемый „судебный поединокъ“ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Онъ—*германскаго* происхожденія и восходитъ къ началу VI столѣтія, когда былъ изданъ бургундскимъ королемъ *Гундобальдомъ* (иначе Гондебо) законъ (501 г.), предоставлявшій тяжущимся сторонамъ, съ цѣлью избѣжанія частаго въ то время злоупотребленія со стороны поручителей (*conjuratores sacramentales*) присягою, право разрѣшать споры поединкомъ, въ которомъ личная сила, подкрѣпляемая правосуднымъ Божествомъ, являлась новой гарантіей справедливости свидѣтельскихъ показаній. Обычай такого поединка распространился и на другія германскія племена и прививался всюду съ тѣмъ большею легкостію, что вездѣ встрѣчалъ почву въ природныхъ нравахъ предковъ нынѣшнихъ германцевъ—средневѣковыхъ рыцарей. Когда съ теченіемъ времени мало-по-малу стала проникать въ народное сознаніе идея объ отдѣленіи суда Божія отъ суда человѣческаго, когда возникла мысль о томъ, что судъ человѣческой и доказательствами долженъ пользоваться человѣческими, тогда сперва церковь (католическая), а за нею и государство стали ограничивать широкое примѣненіе судебного поединка и, наконецъ, въ половинѣ XVII столѣтія совершенно его уничтожили. Впрочемъ, въ Англіи слѣды закона Гундобальда о судебномъ поединкѣ, дѣйствовавшего (закона) почти во всѣхъ странахъ Европы, встрѣчаются даже въ началѣ прошлаго столѣтія (въ 1817 г.).

Въ Россіи также, какъ и вездѣ, существовалъ судебный поединокъ, который носилъ техническое названіе „поля“. О немъ впервые упоминается въ извѣстномъ договорѣ смоленскаго князя Мстислава съ нѣмцами (въ первой четверти XIII в.), запрещающемъ бой *на поле* между русскимъ и нѣмцемъ <sup>1)</sup>. Ясное указаніе на существованіе у насъ „поля“ находимъ въ *Судебникѣ*. Если, по нему, истецъ, въ подтвержденіе своего иска говорилъ, что онъ крестъ цѣлуетъ и на *поле* битися лѣзетъ, то судья обращался къ отвѣтчику и спрашивалъ, цѣлуетъ ли онъ крестъ и на *поле* битися лѣзетъ ли? И если онъ соглашался, то это называлось „досудитъся до поля“ <sup>2)</sup>. Судебнымъ поединкомъ или *полемъ* рѣшались

<sup>1)</sup> В. И. Сергѣевичъ. „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права“, стр. 567—568.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 972—973.

въ древней Руси всякія дѣла, въ томъ числѣ и дѣла оскорбленной чести. Поэтъ былъ, безъ сомнѣнія, совершенно вѣренъ нашей древней исторіи, выставляя купца Калашникова въ поединкѣ съ опричникомъ Кирибеевичемъ, какъ защитника поруганной чести своей жены:

„А родился я отъ честнова отца,  
И жилъ я по закону Господню:  
Не позорилъ я чужой жены...  
Не шутку шутить, не людей смѣшить  
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,  
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!“

Не смотря на распространенность обычая *поля* въ древней Россіи, пастыри Церкви, естественно давно уже требовали его искорененія. Еще въ 1410 г. митрополитъ Фотій писалъ новгородцамъ, чтобы священники не давали причастія идущимъ на *поле* и не погребали убитыхъ на немъ; убившій своего противника, какъ душегубецъ, въ церковь не входитъ, ни дары не пріемлетъ, ни Богородицына хлѣба, причащенія-жъ святаго не пріемлетъ осмнадцать лѣтъ“; священникъ, причастившій или похоронившій *польщика*, лишается священства. Стоглавъ требовалъ изгнанія *поля* изъ суда духовнаго. По опредѣленію этого собора, „а крестнаго цѣлованія и *поля* священническому и иночьскому чину не присужати, по священнымъ правиломъ, кромѣ душегубства и разбоя съ *полчнымъ*; въ такихъ винахъ городскіе судьи да судятъ по царьскимъ законамъ“. Подъ вліяніемъ духовенства и съ развитіемъ и укрѣпленіемъ у насъ государственной власти, примѣненіе судебного поединка, называемаго *полемъ*, постепенно сокращается. Указомъ 1557 г. было уже предписано самою властію, что если тяжущіеся „досудятся до *поля*“, то присуждать имъ не *поле*, а крестное цѣлованіе <sup>1)</sup>. Судебный поединокъ на Руси окончательно вымираетъ къ концу XVI вѣка.

Отходя въ исторію, судебный поединокъ оставилъ послѣ себя современную *дуэль*, какъ свое дѣтище. Причины, вызвавшія её къ жизни, коренились въ самомъ устройствѣ тогдашняго западно-европейскаго общества. Гордость, властолюбіе и сила *феодаловъ* не позволяли имъ обращаться къ

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 973—974.

законной государственной власти, немногимъ выше ихъ самихъ стоявшей, за разрѣшеніемъ своихъ споровъ. Пренебрегая ею, феодалы обращались къ шпагѣ, какъ единственной примирительницѣ всевозможныхъ недоразумѣній между собою. Громадную услугу въ дѣлѣ возникновенія дуэлей оказало неудовлетворительное состояніе, въ какомъ находился въ то время судебный процессъ съ его необыкновенной волокитой. Этимъ именно объясняется то обстоятельство, что вопросы чести, какъ требующіе по существу своему моментальнаго разрѣшенія, бывали самымъ частымъ мотивомъ дуэли.

Такое происхожденіе современной дуэли изъ судебного поединка, какъ ея прототипа, указываетъ и на то различіе, какое существуетъ между ними. Въ судебномъ поединкѣ шла рѣчь о виновности сомнительной, доказательство которой приходилось предоставлять всевѣдущему суду Божію; въ дуэли же нѣтъ рѣчи о какомъ-либо сомнѣніи или неизвѣстности: и обиженный и обидчикъ знаютъ весьма хорошо, кто виновникъ нанесеннаго оскорбленія. Судебный поединокъ былъ актомъ въ извѣстной степени *правомѣрнымъ*, входившимъ въ составъ формальнаго разслѣдованія споровъ; дуэль, напротивъ, есть актъ самовольнаго захвата судебной власти, есть частная месть за причиненную обиду<sup>1)</sup>.

Въ современномъ своемъ видѣ и значеніи дуэль получила особенно сильное развитіе во Франціи. Въ XV столѣтіи здѣсь вошло въ обычай въ дѣлахъ чести обращаться непосредственно къ королю за разрѣшеніемъ выйти на дуэль. Подобныя просьбы обсуждались въ совѣтѣ короля, и если король давалъ разрѣшеніе на дуэль, то вызовъ посылался черезъ королевскаго герольда. Самая дуэль происходила при торжественной обстановкѣ, въ присутствіи короля, который могъ прекратить бой, бросивъ скипетръ между противниками.

Въ другой фазисъ своей исторіи вступила дуэль съ 1547 г., когда произошла дуэль, съ разрѣшенія французскаго короля Генриха II, между двумя близкими ему придворными—Де-ля-Шастеньерэ и Жарнакомъ. Приготовленія къ этой дуэли поражали своимъ великолѣпіемъ; Генрихъ II и весь дворъ присутствовали на ней, а съ мѣста боя гото-

<sup>1)</sup> Н. С. Таганцевъ. „О преступленіяхъ противъ жизни“, т. II, стр. 328.

вились ѣхать на роскошный пиръ, заранѣе приготовленный первымъ королевскимъ любимцемъ Шастеньерэ для празднованія своей будущей побѣды; но судьба рѣшила иначе: Шастеньерэ былъ убитъ. Смерть его, явившаяся слѣдствіемъ дуэли, самимъ же королемъ разрѣшенной, такъ поразила короля, что онъ далъ клятву никогда больше не позволять ни одной дуэли. Но обычай дуэли слишкомъ сильно пустилъ корни. Если не давали теперь разрѣшенія на дуэль, то стали обходиться безъ разрѣшенія, и число дуэлей, не ограниченное личнымъ вліяніемъ короля, начало увеличиваться съ неимоверной быстротой. Ни преценія церкви на Тріентскомъ соборѣ (въ 1563 г.), изрекавшія наказаніе дуэлянтамъ, какъ за убійство, и лишавшія ихъ христіанскаго погребенія, ни муленскій ордонансъ короля Карла IX (1566 г.), воспрещавшій, подъ угрозой смертной казни, прибѣгать къ дуэли для разрѣшенія вопросовъ чести—ничто не приводило къ желанной цѣли: дуэли продолжались и, благодаря снисходительности Генриха III, происходили даже при дворѣ. Въ 1578 г. произошла дуэль, въ которой участвовало шесть человѣкъ; это первый случай, когда секунданты принимали участіе въ дуэли. Изъ нихъ только одинъ остался невредимъ; четыре были убиты, и въ числѣ послѣднихъ—двое любимцевъ короля. Весь Парижъ былъ взволнованъ этимъ происшествіемъ; церковные проповѣдники требовали съ каедръ, чтобы тѣла убитыхъ были брошены на живодерню—но король устроилъ имъ торжественныя похороны. Въ 1602 г. король Генрихъ IV назначилъ смертную казнь и конфискацію имущества безразлично какъ для дуэлянтовъ, такъ и для секундантовъ и присутствовавшихъ на дуэли. Не смотря, однакожь, на такую строгость закона, число дуэлей не уменьшалось. Однихъ помилованій съ 1589 по 1608 г. было дано королемъ до восьми тысячъ; столько же, слѣдовательно, если не больше, было дуэлей со смертнымъ исходомъ. Во время малолѣтства Людовика XIV, количество дуэлей увеличилось въ большей, чѣмъ когда-либо степени. Увѣряли, что за время регентства Анны Австрійской, т. е. за восемь лѣтъ, французское дворянство потеряло на дуэляхъ отъ четырехъ до пяти тысячъ человѣкъ.

Рѣшительнѣе и успѣшнѣе всѣхъ государей боролся съ дуэлью Людовикъ XIV, старавшійся во всей строгости при-

мѣнять изданные имъ во множествѣ эдикты. Съ цѣлью предупрежденія дуэлей, въ 1653 году, была образована, подъ непосредственнымъ вліяніемъ короля, „лига общественной пользы“, съ Фенелономъ во главѣ, многочисленныя члены которой торжественно обязывались никогда не драться на дуэляхъ. Съ тою же цѣлью эдиктомъ 1679 года даны были большія полномочія правильно организованнымъ „судамъ чести“, которымъ вмѣнялось въ обязанность не только разбирать недоразумѣнія сторонъ, но даже узнавать о случившихся недоразумѣніяхъ. Чтобы предупредить возможность нанесенія оскорбленій, были назначены строжайшія наказанія: такъ, напр., за ударъ палкой—заключеніе въ тюрьмѣ отъ 15 до 20 лѣтъ. Всѣ эти мѣры оказались цѣлесообразными. Самъ „король солнца“, какъ называли Людовика XIV, въ предисловіи къ эдикту 1704 г., могъ сказать: „мы имѣли утѣшеніе видѣть въ наше царствованіе почти полное прекращеніе печальныхъ поединковъ“ <sup>1)</sup>. При Людовикахъ XV и XVI репрессія дуэлей значительно ослабѣла, хотя законы оставались тѣ же самыя.

Современники революціи предполагали, что съ уничтоженіемъ сословныхъ различій, съ паденіемъ дворянства, его преданій и привилегій, должна уничтожиться и дуэль—этотъ пережитокъ феодальныхъ временъ. Въ проектѣ уложенія 1799 г. была назначена за выходъ на дуэль выставка у позорнаго столба въ теченіе двухъ часовъ, въ полномъ рыцарскомъ одѣяніи, а затѣмъ заключеніе въ домъ умалишенныхъ на два года; въ случаѣ же лишенія одного изъ противниковъ жизни—заключеніе въ тюрьмѣ на 12 лѣтъ; но эти постановленія были опущены въ окончательномъ проектѣ, представленномъ національному собранію. Вскорѣ даже послѣ изданія уложенія, собраніе вотировало амнистію за всѣ дуэли, происшедшія во времена революціи, для которыхъ политическія страсти давали обильную пищу. Во время *первой имперіи* лишеніе жизни на дуэли признавалось однимъ изъ видовъ убійства, но, въ виду тяжкихъ послѣдствій обвиненія, дѣла этого рода обыкновенно окончивались оправдательными приговорами. Такая судебная прак-

<sup>1)</sup> Cauchy, Du duel etc. Paris, 1863, т. I, стр. 234.

тика, сохраняющаяся во Франціи и доселѣ, приводитъ къ фактической безнаказанности дуэли<sup>1)</sup>.

Изъ Франціи, при той роли, какую эта страна играла во всей Европѣ, дуэль, естественно, дѣйствовала заразительно и на прочіе, даже мало склонныя къ ней народы. Проникла она и въ Россію. Такъ какъ исторія дуэли *всюду* въ Западной Европѣ прошла черезъ тѣ же фазисы, что и во Франціи, то, поэтому, минуя другія государства, прослѣдимъ исторію возникновенія ея въ нашей странѣ.

Хотя наша древняя исторія и была знакома съ судебнымъ поединкомъ въ формѣ „поля“: но древне-русское „поле“ далеко не то, что современная дуэль. Главнымъ отличіемъ „поля“ отъ дуэли было христіанское отношеніе ко всѣмъ случайностямъ этого своеобразнаго обычая суда Божія. Выходя на смертный бой, *польщики* прощались по христіански съ родными и близкими, какъ сдѣлалъ тотъ же купецъ Калашниковъ. Всего болѣе сокрушало ихъ то обстоятельство, что въ случаѣ смерти, имъ не дадутъ христіанскаго погребенія<sup>2)</sup>. За отсутствіемъ на Руси феодальнаго строя и рыцарства, съ его стремленіемъ къ личному отмщенію за обиды, за раннимъ возникновеніемъ самодержавной власти, при тѣхъ мягкихъ патріархальныхъ отношеніяхъ, которыя существовали между высшими и низшими, дуэль у насъ не могла явиться самостоятельно, а, какъ и многое другое, представляетъ предметъ заимствованія изъ западно-европейской жизни. „Никогда не видано еще, пишетъ Олеарій о русскихъ людяхъ XVII вѣка, чтобы они вызывали другъ друга биться на шпагахъ или стрѣляться на пистолетахъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ Германіи и въ другихъ странахъ Европы“<sup>3)</sup>. И Екатерина II въ 1787 г. писала, что дуэли у насъ „не суть отъ предковъ полученныя, но перенятыя, чужія“<sup>4)</sup>. Первые примѣры дуэли встрѣчаются въ иностранныхъ войскахъ Петра Великаго; у нихъ и начало учиться ей наше дворянство. Петръ же Великій

<sup>1)</sup> М. Маховъ. „Дуэль, ея происхожденіе и современный характеръ“. Спб. 1902 г., стр. 24.

<sup>2)</sup> Лажечниковъ. „Басурманъ“, т. IV стр. 216. Москва, 1841 г.

<sup>3)</sup> Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, относяш. до Россіи 1859 г. кн. III, стр. 33.

М. Драгомировъ. „Дуэль“. Кіевъ, стр. 10.



перенесъ къ намъ и западно-европейскія постановленія о дуэли<sup>1)</sup>, создавъ запрещеніе ея прежде, чѣмъ она появилась у насъ. По изданному имъ, въ 1716 году, воинскому артикулу, уже одинъ вызовъ на дуэль влечетъ за собой лишеніе дворянства и свободы съ конфискаціей имущества; если дуэль состоялась, то, хотя бы она и не имѣла своимъ послѣдствіемъ чьей либо смерти или ранъ—лица, принимавшія въ ней участіе, и въ томъ числѣ секунданты, подвергаются смертной казни; убитые же на дуэли—вѣшаются за ноги.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи наше законодательство отчасти отказалось отъ воззрѣнія на дуэль, какъ на государственное преступленіе. По манифесту, изданному Екатериной II, 21 апрѣля 1787 г., за вызовъ и выходъ на дуэль назначалось неопредѣленное наказаніе „яко ослушнику законовъ“. Любопытно, что виновный долженъ былъ подвергнуться „взысканію судейскаго безчестія“ въ пользу того судьи, чьимъ судомъ онъ презрѣлъ: въ дуэли видѣли, значить, и оскорбленіе судьи. Обидчикъ, начавшій дуэль, судился „яко нарушитель мира и спокойствія“ и подвергался лишенію всѣхъ правъ состоянія исылкѣ въ Сибирь на вѣчное поселеніе; но если вызвавшій нанесъ раны, увѣчья или убійство, то онъ судился какъ за умышенное причиненіе этихъ послѣдствій. Секунданты судились, по этому манифесту, какъ „сообщники беззаконнаго дѣла“ и наказывались по мѣрѣ причиненнаго на дуэли вреда, т. е. какъ соучастники убійства, поврежденія здоровья и т. п. Эти же постановленія изъ манифеста были перенесены въ Сводъ Законовъ 1832 года. (т. XV, ст. 349—356). Нельзя при этомъ не замѣтить, что указанная постановленія почти не примѣнялись во всей строгости въ виду постоянныхъ ходатайствъ о помилованіи. Да и сдѣлать это было довольно трудно, принимая во вниманіе, что въ этотъ періодъ времени, благодаря, вѣроятно, большому сближенію съ западомъ, появленію эмигрантовъ, ряду войнъ за границей и т. п., въ Россіи особенно участились дуэли, жертвой которыхъ пали, между прочимъ, два нашихъ великихъ поэта, а еще раньше—подававшій большія надежды князь Голицынъ. Ходили слухи, что свѣтлѣйшій

<sup>1)</sup> В. И. Сергѣевичъ. „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права“, стр. 818.

князь Потемкинъ нарочно устроилъ эту дуэль, чтобы избавиться отъ талантливаго соперника.

Изданное въ 1845 году дѣйствующее нынѣ уложеніе о наказаніяхъ видитъ въ дуэли не одинъ изъ способовъ лишенія жизни или нанесенія тѣлесныхъ поврежденій, а, дѣлая изъ нея *delictum sui generis*, отводя ей въ ряду преступленій *особое* мѣсто, запрещаетъ ее въ виду представляемой ею для жизни опасности и назначаетъ за нее исключительное наказаніе—заключеніе въ крѣпости безъ лишенія правъ<sup>1)</sup>.

Дѣйствующіе законы о дуэли не утратили своего значенія и съ изданіемъ у насъ, по примѣру Германіи, въ 1894 году 13 мая, особыхъ правилъ о разрѣшеніи дуэлью ссоръ между офицерами, съ цѣлью поддержанія среди нихъ корпоративной чести. Эти правила не избавляютъ офицеровъ отъ уголовной отвѣтственности за дуэль по общимъ законамъ, значеніе которыхъ ими лишь значительно ослаблено въ своей безусловности<sup>2)</sup>. Законодатель, издавая указанная правила, ни въ чемъ не желалъ измѣнить взгляда на дуэль, какъ на преступленіе, онъ только нашелъ необходимымъ допустить въ извѣстныхъ случаяхъ *амнистію*<sup>3)</sup>. Впрочемъ, правила 13 мая 1894 г. о дуэляхъ въ офицерской средѣ вносятъ въ уложеніе о наказаніяхъ и нѣкоторыя совершенно новыя начала и притомъ такія, которыхъ мы не находимъ даже во французскомъ законодательствѣ<sup>4)</sup>. Именно дуэль, по этимъ правиламъ, признается, не только въ извѣстныхъ случаяхъ какъ-бы ненаказуемою, но даже какъ обязательною для офицера, подѣ страхомъ, такъ сказать, наказанія за невыходъ на дуэль: отказавшійся отъ нея офицеръ увольняется отъ службы, если онъ самъ не подастъ прошенія объ увольненіи.

Законоположеніемъ 13 мая 1894 г. мы и заканчиваемъ свой очеркъ исторіи дуэли. Подводя итогъ всему сказан-

1) Н. Дружининъ. Честъ, судъ и поедонокъ“. Журналъ Юридическаго Общества. 1898 г., Янв., стр. 77—90.

2) Прик. по воен. вѣд. 1894 г., №№ 118 и 119.

3) „Вѣстникъ Права“ 1899 г., № 2, стр. 162. Ср. Швейковскій. „Судъ общества офицеровъ и дуэль въ войскахъ русской арміи“. Спб. 1896 г., стр. 106—107.

4) „Журн. Министер. Юстиціи“ 1895 г., Сентябрь.

ному и оглядываясь назадъ въ исторію этого прискорбнаго явленія человѣческой жизни, имѣющаго за собой столько вѣковъ существованія, мы видимъ, что эта исторія почти всюду представляетъ собою исторію борьбы съ дуэлью со стороны государства и церкви <sup>1)</sup>.

Выступивъ въ жизнь съ характеромъ личнаго отмщенія за обиду, дуэль, съ точки зрѣнія *государственной*, не могла остаться не только дозволеннымъ, но и уголовно-безразличнымъ дѣяніемъ. Государство, какъ государство, ни въ какомъ случаѣ не могло мириться съ нею. Въ дуэли выражалось отрицаніе государства, какъ формы общежитія, направленной къ охранѣ правъ и къ ихъ возстановленію,—отрицаніе принадлежности именно ему права наказанія. Дуэлянты ставили себя внѣ государственныхъ законовъ, обнаруживали прямое нежеланіе имъ подчиняться, недовѣріе къ власти, постановленной для того, чтобы разбирать дѣла ихъ на основаніи законовъ. Этимъ именно взглядомъ на дуэль, какъ на неуваженіе участниковъ ея къ авторитету государственной власти, объясняется, почему эта власть съ XV столѣтія выступаетъ на борьбу съ нею: дуэлянты по силѣ закона подвергаются смертной казни, лишаются дворянства и свободы, ихъ имущества конфискуются. Основаніе такого взгляда на дуэль лежитъ въ причинахъ, породившихъ ее. Дѣло въ томъ, что дуэлянты выходили обыкновенно изъ среды наиболѣе сильнаго дворянства, а то было время, когда сила и правда считалось за одно и то же, когда знатный могъ быть вполнѣ увѣренъ, что вредный для него законъ писанъ не для него, что законъ—его воля; сталкивались два такихъ сильныхъ и въ результатѣ появлялась дуэль. Для разсма- триваемаго времени феодальнаго строя и кулачнаго права, такой взглядъ на происхожденіе дуэли былъ совершенно вѣренъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждый феодалъ, ослѣпленный своею силою, считалъ униженнымъ для себя обращаться за разрѣшеніемъ своего спора къ коронному судѣ. Съ людьми, ниже его стоящими, онъ раздѣлялся по собственному, благодаря его силѣ, безапелляціонному произволу, съ равными—дуэлью. Такимъ образомъ онъ дѣйствительно вторгался въ судебную дѣятельность государства, попиралъ

<sup>1)</sup> См. Hengstenberg. „Das Duell und die christliche Kirche“. Berlin. 1856. S. 12 и дал.

эту дѣятельность, лишая ее возможности быть тѣмъ, для чего она и существовала. Когда же съ теченіемъ времени сила феодаловъ упала, когда они обратились въ слугъ королевскихъ, а тѣмъ болѣе въ послѣдующее время, когда твердо установился принципъ равенства всѣхъ предъ закономъ, дуэль потеряла свой противогосударственный характеръ, хотя отголоски этого возрѣнія на дуэль, впрочемъ, значительно смягченнаго (по крайней мѣрѣ, въ части, касающейся наказанія за нее), слышны еще и въ настоящее время. Современный человѣкъ дуэлируетъ не столько потому, что претендуетъ на непринадлежащую ему роль судьи, сколько потому, что онъ обходитъ ее, не желая въ глазахъ другихъ казаться трусомъ.

Та же исторія, съ другой стороны, указываетъ намъ на тѣсную связь между взглядомъ общества на дуэль и исторически сложившимися понятіями о *чести*. Связь эта выражается въ томъ требованіи, и доселѣ многими относимомъ къ безусловнымъ требованіямъ чести, чтобы не только платить за обиду обидой, но даже смывать нанесенную обиду кровью, кровью своею или кровью противника. Часто незначительная обида, неосторожное слово, сказанное въ горячности или просто по неразумію, считается, по смыслу этихъ требованій, достаточнымъ предлогомъ къ тому, чтобы ставить на карту жизнь свою или жизнь другого. Человѣкъ, котораго публично назвали въ глаза безчестнымъ, думаетъ, что честь его возстановится, когда онъ убьетъ своего противника, или будетъ убитъ этимъ послѣднимъ. Нанесенная обида перестанетъ быть обидой, когда два человѣка показали другъ передъ другомъ готовность убить другъ друга<sup>1)</sup>. Съ такими до невѣроятности странными, грубыми и жалкими понятіями о чести, во имя которыхъ дуэлянты выступаютъ съ оружіемъ въ рукахъ другъ противъ друга, Церковь рѣшительно не можетъ мириться, почему и осуждаетъ безусловно дуэль, какъ противохристіанское дѣяніе<sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Прот. А. В. Иванцовъ-Платоновъ. „Истинное понятіе о чести и фальшивыя понятія о ней“. „За двадцать лѣтъ священства“. Москва. 1884 г., стр. 190.

<sup>2)</sup> Не одобряетъ дуэли какъ православная, такъ и католическая церковь. Съ неодобреніемъ относится къ дуэли даже наше старообрядчество, какъ это видно изъ укоризненнаго отзыва по поводу

Что же такое *честь* въ христіанскомъ смыслѣ слова? Этотъ вопросъ въ данномъ случаѣ первостепенной важности, а потому остановимся на немъ подробнѣе. По откровенному ученію, *честь и слава* въ собственномъ смыслѣ принадлежать только одному Богу (1 Тим. 1, 17). Господь „все сдѣлалъ ради Себя“ (Притч. 16, 4), и какъ все *отъ* Бога, такъ все и *для* Бога (Евр. 2, 10). „Всякаго, именующагося Моимъ именемъ, Я во славу Мою сотворилъ“, образовалъ и устроилъ (Ис. 43, 7). „Я—Господь, это Мое имя и не дамъ славы Моей иному“ (Ис. 42, 8). Бога непрестанно *славятъ* ангелы (Апок. 4, 8. Ср. Ис. 1—3). Вся видимая природа также представляется *славящею* Бога (Пс. 18), или призывается къ Его *прославленію* (Пс. 148 и 150). И людямъ заповѣдуются *прославлять* Бога и тѣломъ и душою и все дѣлать *во славу* Божію (1 Кор. 6, 20; 10, 31). Слово Божіе убѣждаетъ каждого изъ насъ поступать такъ, чтобы „во всемъ *прославлялся* Богъ чрезъ Иисуса Христа, Которому *слава* и держава во вѣки вѣковъ“ (1 Петр. 4, 11).

Но единый славный Богъ по Своей безконечной благодати вѣнчалъ *славою* и *честью* и человѣка (Пс. 8, 6), „приводитъ многихъ сыновъ *во славу*“ (Евр. 2, 10). Слава Божія неразрывно соединена съ славою человѣка, или, лучше сказать, она сама и есть его слава. Богъ сотворилъ человѣка по образу и подобію Своему, украсилъ его совершенствами и превознесъ предъ всѣми другими тварями. Насколько человѣкъ сознаетъ въ себѣ высокія богодарованныя совершенства, стремится охранять ихъ отъ всего недостойнаго и самостоятельно развивать ихъ, т. е. сохранять вѣрность своему призванію, состоящему въ достиженіи богоподобія,—настолько онъ самъ поддерживаетъ свою честь, т. е. чтитъ въ себѣ отблескъ Божескаго образа и подобія. „*Слава*, и *честь*, и миръ всякому, дѣлающему доброе“ (Рим. 2, 10). Слѣд. христіанинъ не о томъ долженъ заботиться, чтобы другіе думали и говорили

*Гумковской* дуэли старобряд. архіер. Иннокентія. Что касается протестанства, то въ немъ нѣтъ опредѣленнаго рѣшенія этого вопроса. Мартенсенъ, напр., называетъ дуэль просто „средневѣковымъ безчиніемъ“ (Христ. ученіе о нравственности“. Т. II. Спб. 1890 г. стр. 364), между тѣмъ какъ, напр., Гарлессъ и Дорнеръ высказываются о ней съ оттѣнкомъ „мягкости“ (Проф. А. А. Бронзовъ. Христ. Чт. 1897 г., авг. 249—50).

о немъ хорошо, оказывали ему знаки почтенія и уваженія (1 Фесс. 2, 5—6), а о томъ, чтобы поступать всегда согласно своему истинному призванію, поступать по внушенію совѣсти и указаніямъ христіанскаго закона. Конечно, и честь, понимаемая въ смыслѣ „добраго свидѣтельства *отъ вѣншихъ*“, исключающаго возможность „нареканія“ на людей извѣстнаго положенія (1 Тим. 3, 7), есть благо человѣка, хотя и относительное, такъ какъ признаніе нашего достоинства другими не всегда можетъ соотвѣтствовать дѣйствительности. По такой чести христіанинъ долженъ даже ревновать, какъ скоро его вызываютъ на то какія-нибудь серьезныя обстоятельства: напр. добрый начальникъ долженъ ревновать по своей чести, если самыя чистыя намѣренія и самыя честныя дѣйствія его станутъ перетолковывать въ худую сторону и чрезъ то станутъ вредить успѣху его дѣятельности, лишать его средствъ служить на благо обществу; добрый семьянинъ долженъ ревновать по своей чести, если недоброжелательство или зависть захотятъ очернить его образъ жизни и внести чрезъ это смуту въ семейство и т. п. Потому-то Премудрый ставитъ „доброе имя“ выше „богатства“ и „добрую славу“ выше „серебра и золота“ (Притч. 12, 1). И ап. Павелъ говоритъ: „мы стараемся о добромъ не только предъ Богомъ, но и *предъ людьми*“ (2 Кор. 8, 21). Первымъ христіанамъ вмѣнялось въ достоинство то, что они „находились въ любви у *всего народа*“ (Дѣян. 2, 47). О Самомъ Спасителѣ евангелистъ замѣчаетъ, что Онъ „преуспѣвалъ въ любви у Бога и *человѣковъ*“ (Лук. 2, 52).

Итакъ не слѣдуетъ пренебрегать и *внѣшнюю* честію, но только ея надобно искать не у всѣхъ людей и каждаго человѣка въ отдѣльности, а лишь у лицъ достойныхъ. Честь, принимаемая нами отъ людей недостойныхъ, не есть честь, а скорѣе оскверненіе или оскорбленіе чести. Когда посланные фарисеями пришли къ Господу и сказали Ему: „Учитель! мы знаемъ, что Ты справедливъ, и истинно пути Божію учишь, и не заботишься объ угожденіи кому либо; ибо не смотришь ни на какое лице“ и т. д., т. е. стали чествовать Его,—Онъ отвѣтилъ имъ: „что искушаете Меня, *лицемѣры?* т. е. отвергъ ихъ чествованіе (Мѣ. 22, 16—18). Между тѣмъ Онъ охотно принялъ честь (помазаніе ногъ драгоценнымъ

мвромъ) отъ Маріи Магдалины (Іоан. 12, 7). Вмѣстѣ съ тѣмъ внѣшняя честь тогда только есть благо человѣка, когда она нормируется высшею, *внутреннею* честію, т. е., достоинствомъ его, вытекающимъ изъ сознанія вѣчнаго назначенія и безусловной цѣнности человѣческой личности. „Вы—родъ избранный, царственное священство, народъ святой“ (1 Петр. 2, 9): такъ понимаетъ христіанинъ свою истинную честь. Если этою честію, какъ высшею нормою, мы будемъ повѣрять свою внѣшнюю честь, то будемъ чужды той „ложной зависимости отъ чести“, которая, по словамъ Мартенсена, проявляется въ томъ, что „существующій въ представленіи другихъ *образъ* нашей личности намъ гораздо важнѣе, нежели сущность и дѣйствительность“. Только при этомъ условіи можетъ „свѣтиться свѣтъ нашъ предъ людьми“ (Мѡ. 5, 16). Въ противномъ случаѣ, т. е. если внѣшнюю свою честь не будемъ повѣрять внутреннею, мы будемъ лишь „казаться“ честными, будемъ только „отбрасывать“ ложную „тѣнь“ „въ сознаніи другихъ“, а не „быть“ таковыми<sup>1)</sup>. Доказывать *наличность* чести, при отсутствіи ея въ дѣйствительности—это, какъ выражается Шопенгауэръ,—„почти то же самое, какъ если бы кто для доказательства, что его комната нагрѣта, руками согрѣлъ бы шарикъ термометра, и ртуть отъ этого поднялась“<sup>2)</sup>. Стремленіе къ внѣшней чести, на счетъ чести внутренней, и къ наслажденію внѣшнею честію, есть *честолюбіе*. Если нѣкоторые почитаютъ честолюбіе чертою благороднаго духа, то глубоко заблуждаются. Оно есть порочная страсть, оскорбляющая достоинство человѣка и препятствующая быть вѣрнымъ своему назначенію. Кто питаетъ въ себѣ эту страсть, тотъ необходимо заглушаетъ въ душѣ своей благороднѣйшія человѣческія чувства. Для честолюбца именно главное дѣло *казаться*, а не *быть*. Что не обѣщаетъ ему хвалы отъ людей, то для него никакой цѣны не имѣетъ. Тихая, невидная, терпѣливая дѣятельность, какъ бы она ни была благоплодна, никогда не можетъ занимать его; трудиться для истинной пользы себѣ и другимъ онъ не способенъ. Ему нужно предпринять что-нибудь такое, что выдвигало бы его изъ среды окружающихъ и привлекало бы къ нему взоры другихъ, и для этого онъ готовъ

1) „Христіанское ученіе о нравственности“, т. II, стр. 364—365.

2) „Sammtliche Werke“. изд. Reklam'a, IV, S. 425.

пользоваться всѣми возможными средствами, не разбирая ихъ качества. Христіанину свойственно искать только одной славы, *славы отъ Бога*, т. е. благоволенія Божія, которое составляетъ вѣчную славу человѣка. А тотъ, кто ищетъ славы отъ людей, не думаетъ о благоволеніи Божиѣмъ и не можетъ быть даже искренно вѣрующимъ, какъ сказалъ объ этомъ Господь *славолюбивымъ* фарисеямъ: „какъ вы можете вѣровать, когда другъ отъ друга принимаете славу, а славу, которая отъ единого Бога, не ищите“ (Іоан. 5, 41). Христіанинъ долженъ дорожить больше всего славою отъ Бога, благодаря которому онъ обладаетъ нравственнымъ достоинствомъ, почему славу, принимаемую отъ людей, онъ долженъ отдавать Богу, или пользоваться ею какъ бы не имѣющей ея. „Ибо кто отличаетъ тебя?“ вопрошаетъ ап. Павелъ. „Что ты имѣешь, чего бы не получилъ? А если получилъ, что хвалишься, какъ будто не получилъ?“ (1 Кор. 4, 7).

Иисусъ Христосъ о Себѣ Самомъ сказалъ: „не принимаю славы отъ человѣковъ“ (Іоан. 5, 41). И христіанинъ долженъ даже пренебречь мнѣніемъ людей, когда они требуютъ отъ него измѣны внутреннему достоинству. Пусть наши добрые поступки возбуждаютъ нареканія, мы должны утѣшаться мыслию, что хотя теперь „мы неизвѣстны, но насъ узнаютъ“ (2 Кор. 6, 9), что „блаженны мы, когда будутъ поносить насъ и гнать и всячески неправедно злословить за Него“ (т. е. за Спасителя) (Мѣ. 5, 11). Въ виду возможныхъ превратныхъ сужденій въ обществѣ о добрыхъ дѣйствіяхъ человѣка, послѣдній долженъ умѣть сказать съ апостоломъ: „для меня очень мало значить, какъ судите обо мнѣ вы, или какъ судятъ другіе люди; я и самъ не сужу о себѣ; судія же мнѣ Господь“ (1 Кор. 4, 3—4). Мнѣнія людей ошибочны, они часто касаются не того, что такое человѣкъ, а того, чѣмъ онъ только *кажется*. Понятно, почему о Самомъ Спасителѣ сказано, что Онъ „пренебрегъ посрамленіе“ (Евр. 12, 2). Имѣть доброе мнѣніе у всѣхъ, безъ ущерба внутреннему достоинству, нельзя. Восхваляя человѣка, каждый руководится своимъ взглядомъ на добродѣтель. Порочный также руководится своимъ взглядомъ на добродѣтель. Слѣдовательно, когда хвалятъ всѣ, то очевидно, потому, что восхваляемый угодилъ всѣмъ. Но угодить злomu можно только зломъ. Кто желаетъ, чтобы никто



не говорилъ о немъ дурно, тотъ необходимо поддѣлывается подъ вкусы и взгляды другихъ, дѣйствуетъ вопреки своимъ убѣжденіямъ. Такой человѣкъ въ обществѣ людей вѣрующихъ показываетъ себя вѣрующимъ, съ людьми высоконравственными онъ громить пороки, а въ бесѣдѣ съ порочными старается оправдать ихъ жизнь и не обмолвится ни однимъ словомъ обличенія. Ясно, что такое поведеніе несообразно съ достоинствомъ честнаго человѣка. Вотъ почему Спаситель сказалъ: „горе вамъ, когда всѣ люди будутъ говорить о васъ хорошо!“ (Лук. 6 26).

Честь христіанская не тождественна съ честію у дуэлянтовъ. У нихъ своя особая, условная (point d'honneur) честь, которой скорѣе приличествуетъ названіе языческой чести, нежели христіанской<sup>1)</sup>. Внутренняя, единственно истинная честь предъ Богомъ, высокое достоинство человѣческой природы, какъ Богомъ и по образу Божію созданной, имъ, какъ и древнимъ язычникамъ, совершенно чужды, такъ что достоинство свое они исключительно видятъ во мнѣніи о себѣ другихъ людей, во внѣшнемъ почетѣ. Съ потерей этого почета для нихъ остается только *призракъ* чести<sup>2)</sup>. Христіанинъ же и среди внѣшняго безчестія сознаетъ свою честь, свое достоинство.

Эта условная честь дуэлянтовъ подмѣняетъ собою самое основаніе христіанской нравственности-нравственный законъ. И эта подмѣна чревата послѣдствіями. Нравственный законъ живетъ въ душѣ человѣка, онъ есть ввухеніе духовной природы нашей, онъ изъясняется Божественнымъ Откровеніемъ. Напротивъ, честь, во имя которой создаются дуэли, есть понятіе, рѣшительно противорѣчащее закону нравственному. Нарушеніе нравственнаго закона есть оскорбленіе природнаго достоинства богоподобной личности человѣка. Нарушеніе же или оскорбленіе чести дуэлянтовъ есть несоблюденіе того, что въ данное время, въ данномъ обществѣ лишь условно принято, какъ *достоинство* человѣка. Конечно, за неимѣніемъ лучшаго, это условное понятіе

1) Hengstenberg. „Das Duell und die chzistische Kirche, s. 25.

2) Не даромъ у древнихъ грековъ человѣческая честь называлась словомъ δόξα (слава), обозначающимъ собою нѣчто *кажущееся* (δόκησις), т. е. нѣчто мнимое, недѣйствительное, а не твердое и устойчивое.

о чести также необходимо, но не слѣдуетъ забывать, что оно необходимо не въ нравственныхъ интересахъ личности, а въ интересахъ общественной дисциплины, почему и требуется поддерживать его. Здѣсь человекъ принуждается къ извѣстному поведенію не потому, что этого требуетъ его совѣсть, а потому, что такъ *принято* въ томъ или другомъ кругу общества. А между тѣмъ съ точки зрѣнія христіанской нравственности мы очень часто обязаны дѣйствовать именно не такъ, какъ *принято*, а какъ велитъ нравственный законъ совѣсти. Понятіе же *корпоративной* чести, напротивъ, требованія товарищества ставитъ выше личнаго убѣжденія, внушаемаго голосомъ совѣсти и т. п.

Итакъ честь дуэлянтовъ не оправдывается здравымъ христіанскимъ понятіемъ о чести, и потому вопросъ о дуэли съ точки зрѣнія этого понятія долженъ быть рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Таково же рѣшеніе этого вопроса должно быть и съ точки зрѣнія тѣхъ *способовъ* удовлетворенія оскорбленной чести, какіе практикуются дуэлянтами. Оружіе—это рѣшительно не подходящее въ рукахъ дуэлянтовъ средство возстановленія оскорбленнаго чувства чести, а нанесеніе оскорбителю того или иного увѣчья—и тѣмъ болѣе его убійство—иначе плата зломъ за зло—плохая отплата за оскорбленіе; потому что дѣйствительное оскорбленіе истинной чести, а не мнимое, совершенно несоизмѣримо съ внѣшнимъ физическимъ на него воздѣйствіемъ, которымъ можно доказывать развѣ только свою силу, ловкость и проворство, а не честь и внутреннее достоинство. Очевидно позволяющіе себѣ выступать на дуэль держатся того малокультурнаго взгляда, по которому нравственное *превосходство* личности понимается въ прямой зависимости отъ превосходства физическаго и даже смѣшивается съ нимъ. Подобныя понятія приводятъ къ самымъ абсурднымъ заявленіямъ, въ родѣ слѣдующаго: „а, вы называете меня подлецомъ, такъ не угодно ли я вамъ докажу, что я васъ храбрѣе, ловче и сильнѣе!“<sup>1)</sup> Слѣд. честь измѣряется здѣсь совершенно не подходящей мѣркой, подобной по смыслу тому, какъ если бы кто началъ измѣрять длину мѣрой вѣса. Да и можетъ ли личная расправа на самомъ дѣлѣ возстановить поруган-

<sup>1)</sup> Н. Оминъ. „Дуэль“. „Русскій Трудъ“ 1899 г., № 22, стр. 9.

ную честь? Если меня уличили въ подлости, то какимъ образомъ моя честь возстановится, когда я убью противника, или самъ буду убитъ? Насиліемъ можно достигнуть только внѣшняго возстановленія чести. Можно заставить перестать *публично говорить* дурно о себѣ; но заставить хорошо *думать* о себѣ—это, конечно, не можетъ сдѣлать никакое насиліе.

Если разсматривать дуэль, какъ кровавый способъ удовлетворенія оскорбленной чести, съ чисто логической стороны, то она представляетъ также сплошную бессмыслицу. Смерть, раны на дуэли не одинаково ли угрожаютъ какъ оскорбленному, такъ и оскорбителю? Человѣка обидѣли, да его же еще можетъ быть и убьютъ! Обиженный, чтобы смыть обиду, рискуетъ еще своею жизнію: къ одной, сравнительно ничтожной потерѣ присоединяетъ другую, крупнѣйшую! Безнравственно убійство изъ-за угла, но и оно имѣетъ больше смысла, нежели дуэль; потому что въ убійствѣ изъ-за угла страдаетъ все-же виновный, а не невинный, какъ часто бываетъ на дуэли. Полнѣйшимъ же логическимъ абсурдомъ дуэль является въ особенности тогда, когда она происходитъ по требованію суда общества офицеровъ. Разсуждая по поводу такой дуэли, генераль Драгомировъ замѣчаетъ: „полагаю, что предоставленіе офицерскому суду права рѣшать, долженъ ли я драться на дуэли или нѣтъ, есть отрицаніе именно той самой чести, о которой такъ хлопчутъ: вѣдь честь то *во мнѣ*, а не внѣ меня; вѣдь она *моя*, а не кого-нибудь иного; и рѣшать о томъ, поругана она или нѣтъ, могу только *я*, и никто другой—иначе она *не моя*. Если же я и рѣшаюсь кого посвятить въ случившееся со мною столкновеніе, то опять же по *моему* выбору, какъ духовника, а не казенную коллегію. Какъ бы послѣдняя ни была честна и безпристрастна, она выбрана *не мною*, и право отвода кого-либо изъ членовъ мнѣ не дано“ <sup>1)</sup>. Мотивомъ, побуждающимъ въ данномъ случаѣ дуэлянта взяться за оружіе, обыкновенно является просто нежеланіе разстаться съ привычною военною службою и лишиться вмѣстѣ съ тѣмъ права на уваженіе къ себѣ со стороны товарищей. При этомъ, какъ это само собою разумѣется, мотивы чести здѣсь не играютъ особенной роли, а, слѣд., дуэль подобнаго рода оказывается навя-

1) „Дуэли“. Кіевъ, 1910 г. стр. 12—13.

занною защитою мнимо-оскорбленной чести и связывается обыкновенно съ подавленнымъ нравственнымъ настроеніемъ, нерѣдко проторгающимся, такъ сказать, и во виѣ. Естественный и почти обязательный исходъ такихъ дуэлей слѣдующій: убійца—офицеръ, обыкновенно испытывающій горькое чувство по поводу безвременной и бессмысленной кончины своего товарища, въ тяжкой тоскѣ выходитъ въ отставку<sup>1)</sup>.

Кровавая расправа за поруганную честь рѣшительно осуждается и словомъ Божиимъ, какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта. Уже Моисей, хотя и позволялъ своимъ современникамъ, въ виду невысокаго уровня ихъ нравственности, оплачивать „окомъ за око, и зубомъ за зубъ“ (Исх. 21, 24), однако тѣмъ самимъ требовалъ наказаніе *соразмѣрять* съ преступленіемъ, т. е. требовалъ возвращать на голову виновнаго именно то, что онъ сдѣлалъ другому, но не болѣе<sup>2)</sup>. Въ Новомъ Завѣтѣ возбраняется не только „человѣкоубійство“ (Іоан. 3, 15), которое нерѣдко служитъ *фактически* завершеніемъ дуэли, но даже всякое злорѣчіе, гнѣвъ, ярость, злоба, и все подобное, отъ раздраженія происходящее (Ефесс. 4, 31; Кол. 3, 8). Нѣкоторые (генераль Кирѣвъ), желая ослабить силу указанныхъ доводовъ противъ дуэльной расправы съ противникомъ, заимствованныхъ изъ Свящ. Писанія, ссылаются на войну и на смертную казнь, которыя-де представляютъ гораздо болѣе опасности для жизни, нежели дуэль, а между тѣмъ не осуждены словомъ Божиимъ. Многіе читаютъ Свящ. Писаніе для того, чтобы быть въ состояніи только говорить о немъ, а многіе, по примѣру Ирода (Мѣ. 2, 8), знаніе онаго обращаютъ даже противъ Іисуса Христа. Эти слова, да проститъ намъ покойный генераль Кирѣвъ, очень идутъ къ нему, столь непонятно относившемуся къ ученію христіанской вѣры. Не христіанство, а гражданскій порядокъ ведетъ войну и казнить преступниковъ. Не вдаваясь въ подробности весьма сложнаго и труднаго вопроса о войнѣ и казни, мы замѣтимъ лишь слѣдующее: 1) каждый воинъ, какъ членъ государства, обязанъ защищать его права,

<sup>1)</sup> Н. Фоминъ. „Дуэль“. „Русскій Трудъ“ 1899 г., № 23; Д. И. Введенскій. „Должно ли и можно ли оправдывать дуэль“? „Вѣра и Церковь“ 1899 г., кн. 6, стр. 64—65.

<sup>2)</sup> Кейль. „Руководство къ библейской археологій“. Кіевъ, 1874 г., ч. II, стр. 328.

честь и свободу, и если, по словам Самого Спасителя, „нѣтъ больше любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“ (Іоан. 15, 13), то христіанинъ, полагающій душу свою на полѣ брани за свое отечество, являетъ въ себѣ высокую черту истинно христіанскаго духа,—почему войну ни въ какомъ разѣ нельзя сравнивать съ дуэлью; 2) въ смертной же казни по рѣшенію суда мотивъ личной мести отсутствуетъ, между тѣмъ какъ во всякой дуэли онъ всегда составляетъ существенную ея стихію.

Совсѣмъ не такъ надлежитъ ревновать по своей чести христіанину. „Если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой,—училъ Самъ Іисусъ Христосъ,—пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ: если послушаетъ тебя; то приобрѣлъ ты брата твоего. Если же не послушаетъ; возьми съ собою еще одного, или двухъ, дабы устами двухъ, или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушаетъ ихъ; скажи церкви: а если и церкви не послушаетъ; то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь“ (Мѡ. 18, 15—17): вотъ чему училъ Спаситель въ случаѣ возникновенія между людьми взаимныхъ недоразумѣній. Отличительное свойство этого евангельскаго суда собратьевъ таково: съ начала до конца онъ является какъ бы продолженіемъ того суда, который имѣетъ человекъ надъ собою въ своей совѣсти (ср. 1 Кор. 11, 31). Это не судъ внѣшняго физическаго воздѣйствія, часто готоваго перейти въ требованіе крови противника какъ въ дуэли, а судъ, приспособленный къ тому, чтобы „согрѣшившій братъ“ легче увидѣлъ свой грѣхъ и исправился. Согрѣшившему всѣ должны помочь стать выше своей нравственной слабости.

Сначала это дѣлаетъ самъ обиженный, показывая тѣмъ самымъ, что считаетъ обидчика лишь заблудившимся, а не безчестнымъ. Только въ томъ случаѣ, когда это личное судебное разбирательство обидчика и обиженнаго не привело къ сознанію вины и исправленію, обиженный обращается къ суду *свидѣтелей*, съ двумя-тремя близкими людьми. Если и въ этомъ случаѣ обидчикъ обнаружитъ неспособность раскаяться, вступаетъ очередь суда *церковнаго*, т. е. общественнаго. Должно замѣтить, что и судъ церковный вовсе не „чужой совѣсти“, ибо церковь есть общество людей одной и той же вѣры, одного и того же нравственнаго идеала.

Для подсудимаго—это судъ *вполнѣ свой*. Когда этотъ судъ объявить, что данная личность дѣлается для церковнаго общества чужою, „какъ язычникъ и мытарь“, виновный самъ сознаетъ, что это правда, а потому приговоръ церкви нерѣдко становится для отлучаемаго послѣднимъ побужденіемъ подняться на должную высоту. Цѣль этого приговора—пріобрѣтеніе согрѣшившаго брата, „созиданіе“, какъ выражается ап. Павелъ, а „не разореніе“ (2 Кор. 13, 10), т. е. возбужденіе въ согрѣшившемъ раскаянія и рѣшимости возвратиться на правый путь, а не удовлетвореніе оскорбленной чести обиженнаго путемъ внѣшняго принужденія или насилія. То ли представляетъ собою грубо эгоистическій судъ дуэли?

Апостолы также учили вѣрующихъ *надлежаще* ревновать по чести своей. Такъ какъ всѣ вѣрующіе во Христа, купленные дорогою цѣною, между собою братья по духу (1 Кор. 6, 11, 19—20), такъ какъ, далѣе, они своею жизнію должны „возвѣщать совершенства Призвавшаго ихъ“ (1 Пет. 2, 9); то въ отношеніи къ вопросу объ удовлетвореніи оскорбленной чести нашей, это „возвѣщеніе совершенствъ Призвавшаго насъ“, по смыслу ученія апостольскаго, должно выражаться въ томъ, чтобы мы, „*дѣлая добро*, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей“ (1 Пет. 2, 15) и „не воздавали зломъ за зло, но *неклмсь о добромъ* предъ всѣми человѣками“ (Рим. 12, 17); чтобы, далѣе, „не мстили за себя“ даже въ томъ случаѣ, когда есть дѣйствительные поводы къ мести, „но давали мѣсто гнѣву Божію. Ибо написано: Мнѣ отмщеніе, Я воздамъ, говоритъ Господь“ (Рим. 12, 19. Ср. 32, Втор. 32, 35); чтобы, наконецъ, „гнѣваясь, не согрѣшали“ и „*прощали* другъ друга, какъ и Богъ во Христѣ простилъ насъ“ (Ефес. 4, 26, 32. Ср. Іак. 1, 19—20). Какъ велики эти послѣднія слова Апостола! Безконечно было то оскорбленіе Богу, которое нанесено было Ему человѣкомъ въ лицѣ согрѣшившихъ прародителей, но Господь простилъ человѣка. Не должны ли и мы прощать обиды обидѣвшимъ насъ, не заключается ли въ этомъ прощеніи гораздо болѣе подлиннаго человѣческаго достоинства, нежели въ томъ, чтобы сдѣлавъ глупость, а иногда и мерзость, „упереться на ней, по выраженію генерала Драгомирова, ослинымъ обычаемъ, называемымъ дуэлью?“<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup> „Дуэли“, стр. 5.

Въ духѣ апостольскомъ учать по поводу оскорбленной чести св. отцы и учителя Церкви. „Кто мститъ за себя,—пишетъ св. Иоаннъ Златоустъ,—тому отмститъ Господь, ибо когда ты мстишь ближнему своему за обиду, то не мститъ ему Богъ, когда же ты прощаешь, то Богъ или мститъ ему, или твои грѣхи прощаетъ“. „Не мсти, а прощай ближнему, какъ бы продолжаетъ мысль Златоуста бл. Августинъ, ибо и самъ имѣешь нужду въ прощеніи отъ Бога, такъ какъ лучше быть жертвою, нежели злодѣемъ; лучше печаль того, кто терпитъ, нежели радость того, кто несправедливо дѣйствуетъ“. Какъ бы изъясняя это святоотеческое ученіе, и показывая, къ какимъ результатамъ приводитъ нарушеніе его, митроп. Московскій Филаретъ, замѣчаетъ: „Обида, возданная за обиду, не только не уничтожаетъ зла сдѣланнаго, но и не останавливаетъ хода зла или даже усиливаетъ оное. Въ комъ было довольно зла, чтобы начать обиду, въ томъ, по всей вѣроятности, найдется еще болѣе, чтобы отвѣчать на взаимную обиду. Такимъ образомъ, должна произойти цѣпь обидъ, и поелику каждый воздающій за обиду естественно старается сдѣлать соперника менѣе способнымъ вредить, то всякая дальнѣйшая обида должна быть тяжелѣе и убійственнѣе предыдущей. Изъ сего можно усмотрѣть, какъ вѣрно разсужденіе Апостола: „Если же другъ друга угрызаете и съѣдаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены другъ другомъ“ (Гал. 5, 15)<sup>1)</sup>.

Такое ученіе объ отношеніи къ личнымъ обидамъ оправдывается примѣромъ дѣйствій св. отцовъ. Преп. Макарій Египетскій, обвиняемый въ совращеніи невинной дѣвicy и съ безчестіемъ влекомый по городу, не вступался за оскорбленное человѣческое достоинство, а принималъ это какъ должное и, оправившись отъ побоевъ, содержалъ своими трудами оклеветавшую его грѣшницу. Когда же была открыта его невинность и оскорбители намѣрены были просить прощенія, преподобный бѣжалъ въ горы, не хотя, по словамъ его житія, почитанія и славы человѣческія: ибо изволеннѣе ему было безчестіе, неже честь отъ человѣкъ примати“<sup>2)</sup>. Замѣчательнъ общеизвѣстный примѣръ незлобія

1) См. „Противъ поединка. Отвѣтъ ген. Кирѣеву оберъ-офицера русской арміи“. Спб. 1900 г., стр. 25—27.

2) Четьи-Миней за 19 января.

св. отца нашей отечественной Церкви, Тихона Задонскаго. По природѣ горячій и вспылчивый, онъ былъ удивительно кротокъ и незлобивъ: разъ, въ домѣ знакомаго, святитель велъ бесѣду съ однимъ дворяниномъ—нашимъ доморощеннымъ вольтеріанцемъ, и бесѣда эта перешла у нихъ въ горячій споръ, въ которомъ дворянинъ настолько разгорячился и забылся, что нанесъ святителю пощечину. Св. Тихонъ поклонился дворянину до земли, прося у него прощенія за то, что довелъ его до такого состоянія; за то и дворянинъ, придя въ себя, ужаснулся своего поступка, что позволилъ себѣ поднять руку на святителя Божія, и въ свою очередь упалъ къ ногамъ архіерея, умоляя въ слезахъ простить его. Само собою разумѣется, что этотъ дворянинъ не только получилъ прощеніе, но и на всю жизнь остался другомъ и и почитателемъ святителя.

Быть можетъ, совѣтывать человѣку *замалчивать* оскорбленія,—какъ выражается Экштейнъ о всепрощеніи,—значить требовать отъ людей смиренія выше человѣческаго<sup>1)</sup>. Но вѣдь это—идеаль, а идеаль для того и существуетъ, чтобы къ достиженію его стремиться всеми силами. Замѣчательна въ этомъ стремленіи къ идеалу *декларация* (1844 г.) англійской королевы Викторіи, гдѣ она, выражая одобреніе лицамъ, оскорбившимъ или оскорбленнымъ и соглашающимся извиниться или принять извиненіе, предписываетъ: „если же кто откажется дать или принять объясненіе или извиненіе, то дѣло должно быть передано на рѣшеніе командира полка или коменданта, и мы объявляемъ *избавленными* отъ всякаго упрека въ *безчестіи* всѣхъ офицеровъ и солдатъ, которые, сдѣлавъ или принявъ *извиненіе*, *откажутся отъ дуэли*, потому что въ такомъ случаѣ они поступаютъ какъ принято *честнымъ* людямъ и вполне покорнымъ дисциплинѣ“<sup>2)</sup>. Напротивъ того, дуэлянты, слѣдующіе грубымъ понятіямъ о насильственномъ возстановленіи оскорбленной чести, забываютъ, что нѣтъ такой обиды, которая не была бы покрыта любовью и не допускала бы примиренія. Они не знаютъ, какого истиннаго удовлетворенія, невозможнаго при дуэли, ли-

1) „Честь въ философіи и въ правѣ“, стр. 121.

2) Этою же декларацией, какъ и нашими русскими узаконеніями, жена убитаго на дуэли офицера лишается права на пенсію (ер. ст. 229. Кн. VIII. Св. В. II. Изд. 1869 г.).



шаетъ эта послѣдняя обиженный, когда обидчикъ сознаетъ свою вину, чувствуетъ раскаяніе и искренне ищетъ примиренія. Даже утилитарная философія, не смотря на кажущееся отсутствіе возвышенности въ ея основаніяхъ, объявляетъ въ лицѣ ея провозвѣстника и вмѣстѣ съ тѣмъ поборника дуэли—Бентама: „забвеніе обидъ есть добродѣтель, необходимая для человѣчества“<sup>1)</sup>.

Лично христіанинъ можетъ не вступаться за свою оскорбленную честь, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ это составляетъ даже его нравственный долгъ; но какъ скоро дѣло касается оскорбленія того, что относится къ славѣ Божіей, онъ долженъ мужественно стать на защиту ея. Такое правило освящается примѣромъ дѣйствій Самого Иисуса Христа, Который, будучи во всемъ равный Богу Отцу, не Своей славы искалъ, а славы пославшаго Его Отца (Іоан. 8, 49—50; 17, 3—4). Нѣкоторые случаи изъ Его земной жизни особенно назидательны въ этомъ отношеніи. Такъ, когда однажды фарисеи возводили на Него разныя клеветы, стараясь уронить Его во мнѣніи народа; то Онъ не остался равнодушень, а защищалъ Свое служеніе во славу Божію, ссылаясь на множество Своихъ добрыхъ дѣлъ, которыя Онъ показалъ имъ отъ Отца, и вопрошая: „за которое изъ нихъ хотите побить Меня камнями?“ (Іоан. 10, 32. Ср. Мѡ. 12, 24 и дал.). Въ другой разъ, когда на допросѣ у первосвященника Анны одинъ изъ служителей его ударилъ Спасителя по щекѣ, сказавъ: „такъ ли отвѣчаешь Ты первосвященнику“, Господь не перенесъ этого спокойно, а отстаивалъ правоту и истинность всего Своего дѣла, возразивъ ударившему: „если Я сказалъ худо, покажи что худо: и если хорошо, что ты бьешь Меня“ (Іоан. 18, 22—23). Эти слова Иисуса Христа бл. Теофилактъ Болгарскій справедливо относитъ не къ отвѣту только Его на вопросъ первосвященника, но ко всей проповѣди Христовой: „если Я,—какъ бы такъ отвѣчалъ Онъ,—училъ худо, когда училъ въ синагогѣ, то приступи теперь и свидѣтельствуй объ этомъ худомъ ученіи Моемъ и доставь полныя свѣдѣнія первосвященнику, который теперь спрашиваетъ Меня объ ученіи Моемъ. Если же Я училъ хорошо, и вы,

1) Избран. сочиненія, т. I, стр. 529.

слушатели, дивились Мнѣ, то за что теперь ты бѣшь, Меня Которому прежде удивлялся“<sup>1)</sup>.

Подобнымъ образомъ и Апостолы не однимъ словомъ, но и примѣромъ собственныхъ дѣйствій, учили вѣрующихъ защищать дѣло Божіе. Такъ защищался ап. Павелъ, ни во что вмѣнявшій мнѣніе людей о себѣ лично, когда враги старались набросить тѣнь на его апостольское служеніе. Вынужденный своими врагами, онъ, защищаясь, указывалъ на свои труды, на благовѣствованіе, на свои страданія за имя Христово, на свои раны, на честное свое поведеніе и на обиліе благодатныхъ даровъ, которыми обладалъ, но дѣлалъ это, какъ онъ выражался, „по неразумію“, т. е. по необходимости (2 Кор. 11, 21 и дал.). Цѣль всей своей жизни Апостоль полагалъ въ томъ, чтобы славилось имя его возлюбленнаго Господа Іисуса Христа, отъ Котораго его не могли отлучить „ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь“ (Рим. 8, 38—39). Онъ „отъ всего отказывался, все почиталъ за соръ“, всѣмъ пренебрегъ ради Христа (Фил. 3, 8) и торжественно о себѣ говорилъ: „для меня лучше умереть (а не другого умертвить, какъ на дуэли), нежели, чтобы кто уничтожилъ похвалу мою“ (1 Кор. 9, 15). Не *личную* похвалу разумѣлъ здѣсь Апостоль, а похвалу имени Христова. „Какою похвалою,—спрашиваетъ преосвящ. Теофанъ,—дорожить Апостоль? Похвалою безкорыстнаго благовѣствованія евангелія Христова. Похвала эта дорога ему потому, что дорого спасеніе тѣхъ, кому онъ проповѣдывалъ... Для себя самого св. Апостоль ничего не желаетъ, ни даже добраго имени, если бы оно не служило совершенію другихъ (2 Кор. 13, 7—9). Такъ какъ онъ живетъ для другихъ, то для другихъ и сокроиществуетъ: а сокровище его—чистое служеніе благовѣстію Христову; посему, если кто расхититъ его сокровище, т. е. обезславитъ его высокое служеніе, то самая жизнь для него потеряетъ цѣну“<sup>2)</sup>. Апостоль не хвалится здѣсь, а защищаетъ противъ осуждавшихъ его, какъ благовѣстника Христова (1 Кор. 9, 3); изъ стиха же 25-го той же главы открывается, что онъ разумѣлъ здѣсь и *похвалу* у

<sup>1)</sup> Архим. Михаила Толков. Евангеліе отъ Іоанна, стр. 563.

<sup>2)</sup> Еп. Теофанъ. „Христіанское понятіе о чести“. „Воскресное Чтеніе“ 1852—53 г., стр. 56—57.

Бога въ смыслѣ „вѣнца нетлѣннаго“ (ср. 2. Кор. 5, 10), такъ что всѣ попытки оправдать личную честь на основаніи разсматриваемыхъ словъ апостольскихъ падаютъ сами собой <sup>1)</sup>. Если и можно здѣсь подѣ *похвалою* разумѣть *честь*, то развѣ только *внутреннюю*—одобреніе совѣсти: „похвала наша,—говоритъ Апостоль,—сія есть, свидѣтельство *совѣсти* нашей“ (2 Кор. 1, 12). Личныхъ заслугъ онъ за собой не признаетъ: „если должно мнѣ хвалиться, то буду хвалиться *немощию моею*“ (2 Кор. 11, 30). Не ревность о личной чести и славѣ, а ревность о чести и славѣ Божіей заставляла его иногда прибѣгать къ праву своего *римскаго гражданства* (Дѣян. 16, 37—39; 21, 39—40; 22, 25—30) и требовать себѣ *суда Кесаревѣ* (Дѣян. 25, 7—12, 28, 18—20, 30—31); она же въ концѣ концовъ привела его и къ мученической смерти. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ жизни этотъ „римскій гражданинъ“ не стыдился своего „безчестія“ (1 Кор. 4, 10) и со смиренною любовью и вѣрой въ дѣло своей жизни терпѣливо переносилъ поношеніе „отребія міру“ (ст. 13) <sup>2)</sup>. Такъ ли и такую ли честь отстаиваютъ на дуэли современные намъ бретеры?..

Ясно такимъ образомъ, что дуэль, по своему существу, не имѣетъ для себя оправданія въ ученіи христіанской вѣры. Поэтому, защитники дуэли направляютъ силу своихъ доводовъ не столько въ оправданіе существа дуэли, сколько въ доказательство ея культурно-воспитательнаго значенія. Мы не выполнили бы до конца своей задачи, если бы освободили себя отъ сильной критической оцѣнки важнѣйшихъ, по крайней мѣрѣ, изъ этихъ доводовъ.

Такъ, Лохвицкій выдвигаетъ въ защиту дуэли слѣдующія соображенія: Условное чувство чести и его необходимое послѣдствіе—дуэль,—говоритъ онъ,—даетъ человѣку

<sup>1)</sup> Сообразно съ такимъ именно пониманіемъ чести, Константинъ Великій отвѣчалъ одному, не въ мѣру прославлявшему его, какъ императора, панегиристу: „не трать попусту этихъ словъ: а лучше, моли Бога, чтобы я въ сей жизни и *въ будущей* Его служенія былъ достоинъ“ (Евсевій. „Жизнь Константина“, кн. IV, гл. 48).

<sup>2)</sup> Въ наше время чаще всего смирная любовь выставляется какъ *смишная* слабость, но высшее утѣшеніе для христіанина въ томъ, если онъ сможетъ, какъ переродившійся послѣ дуэли офицеръ Зиновій (впослѣдствіи старецъ Зосима), сказать о себѣ: „*смигются*, а вѣдь любятъ!“ (Достоевскій. „Братья Карамазовы“. С.-Петербургъ. 1882 г., стр. 335).

нравственную силу, возвышаетъ его. Вводя уваженіе къ себѣ самому, оно вводитъ его и къ другимъ. Оно же могущественно содѣйствуетъ цивилизаціи. Но едва ли можно согласиться съ этими соображеніями. Дуэли, происходящія съ цѣлью возстановленія оскорбленной чести, безъ сомнѣнія, скорѣе могущественно вредили цивилизаціи, нежели содѣйствовали ей. Это, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно въ отношеніи къ русскому просвѣщенію. Благодаря дуэли, безвременно погибли въ полномъ разцвѣтѣ силъ два великихъ генія русскаго художественнаго слова—Пушкинъ и Лермонтовъ, и никакое благотворное вліяніе ея на общественное развитіе, если бы оно было указано, не можетъ, конечно, вознаградить ту потерю, которую понесла отечественная литература въ лицѣ этихъ жертвъ „средневѣковаго безчинія“. Историческія данныя опровергаютъ и то соображеніе, будто условное чувство чести, порождающее дуэли, приводитъ къ развитію уваженія къ другимъ. Исторія свидѣтельствуетъ, что дуэль развилась на почвѣ средневѣковаго феодализма. Дуэли происходили въ то время въ ужасающихъ размѣрахъ. Случалось, какъ мы знаемъ, что въ одно царствованіе погибали во Франціи цѣлыя тысячи дворянъ. Стремленіе къ чрезвычайной защитѣ собственной чести не соединялось, слѣдовательно, съ уваженіемъ и къ человѣку, притомъ же одного и того же сословія. Дуэли происходили постоянно потому, очевидно, что постоянно наносились другъ другу оскорбленія представителями тогдашняго высшаго сословія. Гдѣ же тутъ уваженіе къ другимъ, развитіе котораго будто бы обусловливается дуэлью?

Генераль Кирѣевъ, какъ бы подтверждая доводы Лохвицкаго въ пользу необходимости дуэли въ жизни культурныхъ людей, замѣчаетъ: „Если бы я спросилъ у любого изъ моихъ военныхъ противниковъ, что бы онъ сдѣлалъ, если бы кто-нибудь нанесъ ему оскорбленіе дѣйствіемъ, онъ несомнѣнно бы отвѣтилъ: я, конечно (?), вызвалъ бы его на дуэль... Думаю, что такимъ образомъ отвѣтило бы большинство и не военныхъ *культурныхъ* (?) людей“. Очевидно, съ точки зрѣнія г. Кирѣева, культурность и христіанство разнятся и отстоятъ другъ отъ друга, какъ небо отъ земли; ибо, по Кирѣеву, культура чуть ли не требуетъ дуэли, а христіанство, какъ мы видѣли, совершенно отрицаетъ ее. Зна-

чить, христіанское общество—некультурное общество?.. Всѣ истинно вѣрующіе христіане, не признающіе дуэли, а среди нихъ есть немало культурныхъ людей, суть дикари?.. Съ точки зрѣнія Кирѣева, надобно причислить къ разряду людей некультурныхъ: Наполеона I, Николая I, Вильгельма II и др. государей и ученыхъ, возстававшихъ противъ дуэли. Наполеонъ I находилъ, что дуэль не должна имѣть „чести“ быть занесенной на страницы военнаго кодекса <sup>1)</sup>. Николай I, этотъ „рыцарь чести“, однажды такъ отозвался о дуэли: „я ненавижу дуэль. Это—варварство. На мой взглядъ—въ ней нѣтъ ничего рыцарскаго. Герцогъ Веллингтонъ уничтожилъ ее въ англійской арміи, и хорошо сдѣлалъ“ <sup>2)</sup>. Вильгельмъ II также уничтожилъ дуэль въ германской арміи указомъ своимъ отъ 1 января 1897 года, предписавъ, чтобы впредь всѣ столкновенія между офицерами разрѣшались или частнымъ примиреніемъ, или совѣтомъ чести и офицерскимъ судомъ.

Какъ бы въ противовѣсъ названному лицамъ, отрицательно относившимся и относящимся къ дуэли, ген. Кирѣевъ для подтвержденія своихъ соображеній въ защиту ея, ссылается на другія, не менѣе авторитетныя, съ его точки зрѣнія, историческія лица, одобрявшія обычай дуэли. „Неужели Пушкинъ, Лермонтовъ (погибшіе на дуэли), говоритъ онъ, неразвитые дураки. Бисмаркъ-дуракъ... и самъ великій Лассаль (почему великій?) тоже отсталый дуракъ?“ Конечно, авторитеты великихъ людей каждый можетъ создавать по своимъ личнымъ вкусамъ и взглядамъ, но избави насъ Богъ отъ такихъ авторитетовъ, которые никоимъ образомъ не могутъ служить примѣромъ для подражанія въ истинно христіанской жизни. Талантъ, даже самый высокій, не всегда гармонируетъ съ нравственнымъ настроеніемъ, что мы и видимъ на указанныхъ Кирѣевымъ примѣрахъ великихъ людей, отдавшихъ дань „абсурдному предрасудку“, называемому дуэлью. Великіе люди не только совершали иногда преступленія, но и дѣлали немалыя глупости. Если они выходили на дуэль, то не столько потому, что раздѣляли этотъ предрасудокъ, сколько потому, что не желали терять обаянія среди своихъ современниковъ. Мы не будемъ говорить о Бисмаркѣ и Лассаль, такъ какъ имена ихъ чужды намъ

1) „Вѣстникъ Права“, 1899 г., № 2, стр. 142.

2) „Записки Смирновой“. „Сѣверный Вѣстникъ“, 1895 г., октябрь.

и нашей исторіи, а скажемъ нѣсколько о родныхъ намъ и близкихъ нашему сердцу именахъ великаго Пушкина и Лермонтова. Голосъ церкви осудилъ дуэль Пушкина<sup>1)</sup>. Да и кромѣ того, ни самъ Пушкинъ, ни Лермонтовъ нигдѣ дуэли не защищали и не говорили, что дуэль есть принадлежность культурнаго человѣка. Напротивъ, ихъ отношеніе къ дуэли было прямо таки отрицательное. Дуэль ярко заклеимена Пушкинымъ въ „Онѣгинъ“ и особенно въ „Выстрѣлъ“ и „Капитанской дочкѣ“. И описанная Лермонтовымъ въ „Героѣ нашего времени“, дуэль Печерина съ Грушницкимъ—отвратительна въ высшей степени. Такъ изобразить дуэль могъ только убѣжденный противникъ ея. Біографъ поэта и говоритъ, что Лермонтовъ, дѣйствительно, былъ „отъявленнымъ врагомъ дуэли“. „У него была, добавляетъ онъ, твердость заклеимить дуэль какъ отвратительное порожденіе человѣческой глупости, но не достало твердости отказаться отъ этой глупости“<sup>2)</sup>. Понятны, поэтому, полные жгучей горечи и негодованія вопли его горячаго сердца, вырвашіеся по поводу безвременной кончины боготворимаго имъ генія поэзіи—Пушкина:

„Погибъ поэтъ—невольникъ чести“<sup>3)</sup>. Лермонтовъ какъ будто предчувствовалъ, что и его жизнь будетъ загублена той же „неволей“, которую создали себѣ сами люди.

Итакъ, ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ ни для кого не могутъ служить примѣромъ въ отношеніи ученія о дуэли, чтобы можно было ссылаться на нихъ, какъ на авторитеты. Они представляютъ собою скорѣе отрицательный примѣръ того, что у насъ на Руси погибли въ раннемъ возрастѣ два величайшихъ таланта, на дуэли съ ничтожными людьми, по самому ничтожному, неразумному и нехристіанскому поводу.

<sup>1)</sup> См. слово Никанора, архіеп. херсонскаго, по случаю пятидесятилѣтія со дня смерти Пушкина и слово Антонія, митроп. Спбр., по поводу столѣтія со дня рожденія Пушкина. Спбр. митроп. Серафимъ, уклонившійся отъ личнаго участія въ отпѣваніи архіерейскимъ служеніемъ убитаго на дуэли Пушкина, замѣтилъ мимоходомъ: „мимо осужденнаго церковію поединка пройдемъ съ прискорбнымъ молчаніемъ“.

<sup>2)</sup> См. біографію Лермонтова въ пятомъ изданіи Глазунова.

<sup>3)</sup> Лермонтовъ. „На смерть Пушкина“.

Генер. Кирѣевъ выставляетъ въ пользу дуэли еще одинъ аргументъ, который ему представляется уже совершенно неопровержимымъ: это—уваженіе къ чувству личной храбрости офицера. „Обвиненіе въ трусости, говоритъ онъ, не столь существенное для другихъ классовъ общества, ложится нестерпимымъ бременемъ на честь офицера и можетъ быть снято лишь самимъ обвиняемымъ и именно лишь посредствомъ дуэли. Офицеръ или генералъ, обвиняемый въ трусости, eo ipso обвиняется въ полной негодности, въ томъ, что даромъ беретъ съ государства деньги, что онъ недостойнъ носить свою шпагу и т. д. Тутъ, стало быть, для военнаго является необходимость доказать, что все это неправда, что онъ достоинъ носить свою шпагу и готовъ скрестить ее со шпагой оскорбителя“. На все это разсужденіе г. Кирѣева замѣтимъ слѣдующее: Если поглубже войти въ психологію дуэли, то послѣдняя окажется не храбростію, а именно трусостію предъ силою общественнаго мнѣнія. Эта трусость бываетъ такъ велика, что побѣждаетъ естественное чувство самосохраненія. Довольно удачное опредѣленіе храбрости дуэлянтовъ находимъ еще у Фонвизина въ его „Недоросль“. Авторъ различаетъ два рода храбрости—храбрость сердца и храбрость души, вполне справедливо отдавая предпочтеніе послѣдней. „Храбрость сердца, говоритъ его Милонъ, доказывается въ часъ сраженія, а неустрашимость души—во всѣхъ положеніяхъ жизни... Какъ мала душа того, кто за бездѣлицу вызоветъ на дуэль, передъ тѣмъ, кто вступится за отсутствующаго, котораго честь при немъ клеветники терзаютъ“<sup>1)</sup>. „Не даромъ сказано, что дѣйствительно храбрый презираетъ дуэль“<sup>2)</sup>. Вотъ почему такіе высокіе представители военнаго духа, какъ, напр., нашъ геніальнѣйшій полководецъ Суворовъ никогда не проигрывавшій ни одного сраженія<sup>3)</sup>, ненавидѣлъ дуэль всѣми силами своей души. Извѣстно, что Суворовъ на своемъ вѣку получилъ три пощечины, но на дуэль своихъ оскорбителей не вызывалъ, и даже потомъ, при встрѣчѣ съ давшимъ ему пощечину На-

1) Соч. стр. 93. Спб. 1866 г.

2) Драгомировъ. „Дуэли“. Кіевъ, 1900 г., стр. 3.

3) Любопытенъ его отзывъ о себѣ самомъ: „я выше Фридриха Великаго, ибо баталій не проигрывалъ“.

щокинымъ, бѣгалъ отъ него, съ усмѣшкой приговаривая: „я его боюсь, онъ дерется“<sup>1)</sup>. Что же, и великій Суворовъ былъ трусъ, ни разу не отомстивши за пощечины?

Лохвицкій, какъ бы дополняя ту же аргументацію ген. Кирѣева о необходимости дуэли въ военной средѣ, замѣчаетъ: „кто рискуетъ своею жизнію, слѣдуя, положимъ, глупому предрасудку, тотъ, все-таки, показываетъ, что онъ не трусъ, что онъ не задумается принести жизнь въ жертву отечеству, въ случаѣ надобности. Политика заставляетъ шадить эту гордую энергію духа, которая бываетъ часто нужна государству. Оттого въ особенности дуэли между военными пользуются снисхожденіемъ“. Но между патріотизмомъ и дуэлью едва ли есть что-либо общее. Кто искренно любитъ свое отечество, дорожитъ своею жизнію для блага и величія его и готовъ на всѣ жертвы ради него, тотъ, безъ сомнѣнія, поступитъ такъ, какъ поступилъ римскій полководецъ Марій передъ сраженіемъ при *Aquae Sextiae*, когда былъ вызванъ вождемъ Кимровъ на поединокъ. Онъ отвѣчалъ ему: „если Кимру жизнь не нужна, то онъ можетъ повѣситься“<sup>2)</sup>. Если въ патріотизмѣ выражается преданность государственной идеѣ, то въ дуэли, напротивъ того, обнаруживается отрицаніе государственнаго суда и наказанія, проявляется личное подчасъ весьма мелкое чувство. Могутъ ли быть, поэтому, дуэлянты болѣе склонны къ патріотическимъ подвигамъ, нежели лица, воздерживающіяся отъ дуэлей и прибѣгающія къ государственному суду въ дѣлахъ оскорбленной чести? *Гордая энергія духа*, которою, по словамъ Лохвицкаго, дорожитъ государство, проявляется вообще не въ дуэляхъ, въ которыхъ, какъ уже было замѣчено, скорѣе обнаруживается трусость передъ общественнымъ позоромъ, нежели храбрость. И подвиги военной храбрости совершаются по инымъ побужденіямъ и при совершенно иныхъ условіяхъ, нежели дуэли, чрезъ посредство которыхъ истребляются нерѣдко лучшіе люди страны. Наконецъ, бѣлая *снисходительность* къ дуэли въ военномъ сословіи, сравнительно съ другими сословіями, несправедлива, какъ противорѣчащая началамъ равенства всѣхъ передъ закономъ. Въ такомъ случаѣ военные какъ бы получаютъ бѣольшую возможность

<sup>1)</sup> Драгомировъ. „Дуэли“, стр. 2.

<sup>2)</sup> Gneist. „Der Zweikampf und die germanische Ehre“. 1848, S. 24.



ограждать свою честь—двумя способами, кромѣ обыкновеннаго общаго для всѣхъ—суда—еще способомъ чрезвычайнымъ—дуэлью. Но развѣ нѣтъ другихъ профессій, кромѣ военной, гдѣ можетъ показаться желательнымъ послѣдній способъ защиты чести? Быть можетъ, видный государственный или общественный дѣятель, судья, педагогъ и др. нуждаются въ такомъ способѣ даже болѣе, нежели офицеръ. Или офицерамъ первымъ предоставлено то, что впоследствии будетъ предоставлено и другимъ? Но не о распространеніи дуэлей (хотя „Правила о разбирательствѣ ссоръ, случающихся въ офицерской средѣ“ направлены и на это) слѣдуетъ заботиться: а напротивъ, нужно заботиться о скорѣйшемъ воспрещеніи дуэли однимъ общимъ закономъ для всѣхъ сословій. Указанная же снисходительность къ дуэли между офицерами не можетъ быть терпима въ современномъ государствѣ, такъ какъ она вноситъ глубокий разладъ въ общее законодательство.

Послѣ всего сказаннаго въ опроверженіе выдвигаемыхъ въ защиту дуэли доводовъ едва ли можно согласиться съ общимъ замѣчаніемъ ген. Кирѣева, что дуэль „при данномъ, неудовлетворительномъ въ культурномъ отношеніи состояніи общества есть печальная необходимость, есть зло, необходимое для отвращенія зла еще большаго“. Признавать зло необходимымъ или неизбѣжнымъ—значило бы цѣлью оправдывать средства, раздѣлять осужденное христіанствомъ ученіе, будто „можно дѣлать зло, чтобы вышло добро“ (Рим. 3, 7). Согласиться съ этимъ—значило бы закрѣпить ея существованіе и признать полнѣйшее безсиліе государства и церкви въ борьбѣ съ этимъ вреднымъ предразсудкомъ <sup>1)</sup>.

Въ заключеніе мы естественно должны задать себѣ слѣдующій вопросъ: можно ли чѣмъ-нибудь замѣнить дуэль, какъ „безсмысленное и чудовищное“ (Бентамъ) средство для защиты чести? Безусловно можно замѣнить, именно—общегосударственнымъ судомъ, предъ которымъ каждый гражданинъ является, какъ предъ сидящею „правдою и милостію“, какъ бы предъ судомъ Самого Бога <sup>2)</sup>, и чрезъ который, благодаря той или другой карѣ за посягательство на

<sup>1)</sup> Калининъ. „Дуэли въ офицерекой средѣ“. „Военный Сборникъ“ 1894 г., № 8, стр. 346.

<sup>2)</sup> Hengstenberg. „Das Duelle und die christliche kirche“, S. 24.

личность, всего естественнѣе можно возбудить поучительное и полезное для всѣхъ знаніе чловѣческаго достоинства.

Но извѣстный намъ Лохвицкій противъ этого возражаетъ: „Дуэль всегда бываетъ за оскорбленіе чести“,—за фактъ, который не всегда можетъ быть преданъ на разсмотрѣніе суда, ибо онъ можетъ представлять до такой степени разнообразныя явленія, что уловить ихъ для суда нѣтъ никакой возможности. Оскорбить другого можно наединѣ, безъ свидѣтелей, однимъ какимъ-либо намекомъ, который можетъ быть понятенъ только оскорбленному,—такъ что въ подобныхъ случаяхъ виновный можетъ остаться безнаказаннымъ, но оскорбленный, желая все-таки вознаградить себя наказаніемъ оскорбителя, прибѣгаетъ къ крайней мѣрѣ, къ дуэли. Да, наконецъ, извѣстно еще и то, что посредствомъ огласки на судѣ нѣкоторыхъ фактовъ оскорбленія обиженный можетъ еще больше потерять, чѣмъ удовлетворить себя. Поэтому, понятно, вслѣдствіе чего чловѣкъ обращается не къ правосудію, а къ дуэли“. Что сказать на это возраженіе?

Современное судопроизводство таково, что всякое оскорбленіе, разъ оно выразилось въ какомъ бы то ни было внѣшнемъ дѣйствіи, можетъ подать поводъ къ осужденію и наказанію виновнаго государственною властію, безъ всякой необходимости въ саморасправѣ. Законъ не говоритъ, что наказывается обида, выразившаяся въ такихъ-то именно дѣйствіяхъ. Онъ объявляетъ просто, что обида карается такимъ то наказаніемъ, различая обиду на словахъ, на письмѣ и дѣйствіемъ, такъ что обидчикъ можетъ быть наказанъ не только за какой-либо намекъ, но и за тонъ своихъ словъ. Кромѣ того, въ дѣлахъ объ обидахъ саморасправа можетъ быть допускаема менѣе всего. Въ подобнаго рода дѣлахъ заинтересованное лицо можетъ очень часто ошибаться, кажущееся обиднымъ значеніе словъ и дѣйствій сильно преувеличивать. Для разрѣшенія такихъ дѣлъ, особенно необходимо стороннее вмѣшательство, и законодательство весьма мудро и цѣлесообразно поступаетъ, приглашая къ участію въ разбирательствѣ дѣль въ обидахъ совершенно постороннихъ лицъ, случайно являющихся свидѣтелями ссоръ и личныхъ столкновеній. Очевидно также, что если обиженный можетъ *еще больше потерять* отъ судебного разбиратель-

ства, чего такъ боится Лохвицкій, то значить, сама обида до извѣстной степени заслужена.

Итакъ современное судопроизводство въ дѣлахъ объ оскорбленіи чести съ успѣхомъ можетъ замѣнить собою варварскій способъ защиты ея, называемый дуэлью. Жаль только, что оно въ подобнаго рода дѣлахъ имѣетъ одинъ существенный недостатокъ, ослабляющій его значеніе. Этотъ недостатокъ его можетъ быть выраженъ такъ: дуэли нашими законами преслѣдуются строго, самыя же оскорбленія, вызывающія ихъ, наказываются слабо. Другими словами: „наши суды, по выраженію Экштейна, не всегда могутъ быть убѣжищами для оскорбленной чести“<sup>1)</sup>. Еще Бентамъ, сто лѣтъ назадъ, усматривалъ существованіе дуэли и нѣкоторое оправданіе ея въ недостаточности защиты чести закономъ<sup>2)</sup>. Но признавая такую недостаточность въ законодательствѣ, тѣмъ не менѣе нельзя сдѣлать отсюда вывода о необходимости дуэли, какъ суррогата недостаточной защиты оскорбленной чести. Не естественнѣе ли обратиться къ организаціи правильной защиты чести судомъ, нежели обращаться къ дикой кровавой расправѣ съ оскорбителемъ? „Надобно,—говорить по этому поводу Экштейнъ,—внести въ законодательство такія мѣропріятія, благодаря которымъ всякія оскорбленія чести могли бы явиться передъ лицомъ суда и вызывать соотвѣтствующую репрессию“<sup>3)</sup>.

Нельзя, впрочемъ, не сознаться, что какъ бы мы ни расширяли область наказуемаго оскорбленія, тѣмъ не менѣе законъ предусмотрѣть всѣ возможныя проявленія неуваженія къ личности не можетъ. Да и нужно ли особенно пещись о расширеніи въ средѣ истинно-христіанской сферы законодательства, ограждающей человѣческую личность? Ужели истинные христіане, и при томъ интеллигентные (а дуэли обыкновенно и происходятъ среди нихъ) связаны лишь внѣшними предписаніями юридическаго закона, который какъ сказано, и не можетъ охватить всѣ возможные случаи оскорбленія личности? Ужели только въ томъ случаѣ оскорбленный можетъ успокоиться и не думать о мести, когда

1) „Честь въ философіи и въ правѣ“, стр. 105.

2) „Избранныя сочиненія“, т. I въ переводѣ Пыпина и Невѣдомскаго, стр. 528.

3) Цит. соч., стр. 107.

онъ найдетъ защиту своей чести въ законѣ и увидитъ своего оскорбителя отомщеннымъ? Не хотѣлось бы вѣрить этому т. е. тому, что зло (въ данномъ случаѣ дуэль) можетъ быть искоренено въ человѣческихъ обществахъ не внутреннимъ, религіозно-нравственнымъ врачеваніемъ, а одними внѣшне-юридическими предписаніями, какъ бы полны и разумны они ни были <sup>1)</sup>... Высокопреосвященный митрополитъ Антоній былъ совершенно правъ, когда, по случаю столѣтней годовщины Пушкина, погибшаго на дуэли, выразился о послѣдней такъ: „это грѣхъ—не отдѣльнаго лица, а грѣхъ цѣлаго общества, не выросшаго еще въ полноту жизни христіанской“. Если же дуэль есть грѣхъ, т. е. нравственное зло, то и уничтожить ее можно только средствами нравственными, т. е. путемъ все большаго и большаго распространенія въ человѣческомъ мірѣ евангельскихъ понятій и евангельскаго духа.



<sup>1)</sup> Проф. А. А. Бронзовъ. „Къ вопросу о дуэли“. „Христ. Чт.“. 1897 г. дек., стр. 792—794.

ГПБ Русский фонд

20.85.8.16.



1-4103335